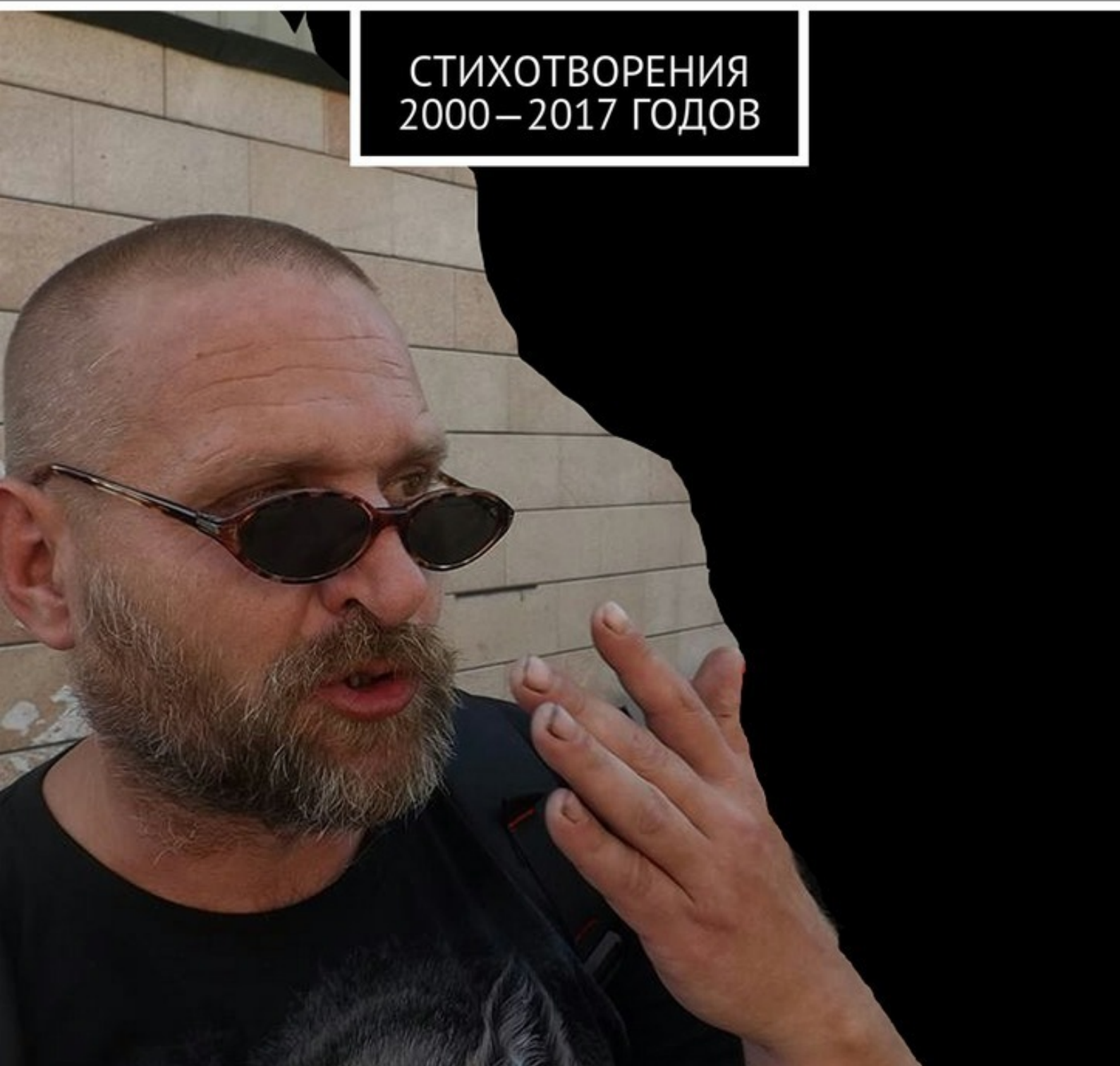

АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН

Кожа

СТИХОТВОРЕНИЯ
2000–2017 ГОДОВ

Александр Петрушкин
Кожа. Стихотворения
2000—2017 годов

«Издательские решения»

Петрушкин А. А.

Кожа. Стихотворения 2000—2017 годов / А. А. Петрушкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855470-4

В книгу «Кожа» вошли стихотворения уральского поэта и литературтрегера
Александр Петрушкина, написанные в период с 2000 по 2017 год.

ISBN 978-5-44-855470-4

© Петрушкин А. А.
© Издательские решения

Содержание

2000—2008 годы	8
«Ты проснулся беременным – значит прыщи все исчезли...»	8
[Египет]	9
«Спросят: какое число? – отвечай: много...»	11
«В этом меде нет пчел...»	12
«Шел дождь. Росла трава...»	13
«Закончил ветер выть, как только свечерело...»	14
«Соль разъедает и камень, и воздух – лишь речь...»	15
«Ловля звезд – пустое занятие, но ты...»	16
«По петле перепелки в кустах ...»	17
«О» открывает рот и заслоняет ночь...»	18
«Прожив без меня две жизни – ты научилась ждать...»	19
«Почти как по ладони сбегают (только мимо)...»	20
«Кроме того, что случилось – рыба летит...»	21
«Боль. Базар. Три бакса в Вавилоне...»	22
«Что повыше, что пониже ...»	23
«Левая половинка птицы, сойдя с ума...»	25
«Детей нет дома – значит можно спать...»	26
«Драгомошенко все-таки сука. В таком-то году...»	27
«Январь. Снег, тающий изустно ...»	29
«Такой, блин, Мандельштам, родные дуры...»	30
«Вот, и аукнулось то, что неписано было ...»	31
«В моем бездарном камланье потомка мордвы и манси...»	32
«Недосчитанный город – с этой секунды уже только град...»	33
Поплавский	34
«Жалуетса на холод Овидий и иже с ним и ...»	35
Бессмертие	36
«половина света половина тьмы...»	38
«на заветное ау...»	39
«Не с тьмою говоришь, а с этим за стеной ...»	40
«Вот так, по фобии твоей, начинается звук ...»	41
«сплошная вода языка...»	42
«даже ты не поймешь как тобою смотрел в воздух он...»	43
«вот и ещё один еврей на сером асфальте плакал сегодня говорил отдайте...»	44
«– мне надо знать кто со мной – говорил вийон...»	45
«рукою тронула не той...»	46
Женщина сороколетняя	47
«крохотное небо назывные буквы...»	48
«она зашла не в магазин...»	49
Чад	50
Кыштымское Рождество	51
«переходи меня как мост – сегодня перешел октябрь...»	52
«я понял я не помню я...»	53
Самурай Муму	54
«тот еще питер пожалуй москва...»	56

«сползают с нижнего в кыштым...»	57
Владивосток	58
«пойми никто не виноват...»	59
«ты пиздец хороший парень...»	60
«без оболочки дочь Вийона...»	61
«горячая и мутная река...»	62
«у лены объектив внутри вокруг её калитка...»	63
«муж говорит жене...»	64
«когда есть смерть есть я...»	66
«Нет замечательной реки...»	68
«пилили женщину пилили...»	71
Расписание	72
«не сойти с катушек не...»	73
«в селе (так сказала корнева)...»	74
«ты жил в кыштыме жид кыштыма жив...»	75
«пора заснуть пора брат на покой...»	76
«слитно пишется рцы плотно речёт вода...»	77
«разговор со снегом и базар за нежность...»	78
2009 год	79
«комочек переваливая...»	79
«на то смиренный человек клюёт ранетки с мертвых яблонь...»	80
«ты не умея лгать я не имея правды...»	81
Семейная ретроспектива	82
«скорее проступает ледокол...»	83
«как ни смотри война воде война...»	84
«Переплетаясь с тишиной, в шарах летящих слева, с Юга ...»	85
«а ты скажи скажи: еще не завтра...»	86
Качели	88
«на иртышской набережной будь не будь...»	89
Путеводитель: Профилакторий на Южной	90
Путеводитель: Светофор	91
«прости Господи мне надо...»	92
«о выткни Боратынский мне глаза...»	93
2010 год	94
«и так же смерть похожа на лицо...»	94
«сведет с ума присутствие зимы...»	95
«вот ты стоишь с прозрачным языком...»	96
«Мы разучились говорить на русском языке ...»	97
«бука спит она устала стала женщиной и вот...»	98
«спине уже не больно на окно...»	99
«зачем зачем о жизни три вОрона летят...»	100
Шмель	101
«нисколько – это много а сейчас...»	102
«о, оловянный голос тишины...»	103
«мне не с кем говорить ни тут ни там...»	104
«снег завершает мёртвую петлю...»	105
Кость	106
«Не вспоминай меня – на свет...»	107
«во как снится эта [трасса]...»	108

«под деревом сидит над головой...»	109
«вот так и говорить вот так и воровать...»	110
«наконец-то нельзя задразнить щебетать...»	111
«о чём о том скрипят ладони...»	112
2011 год	113
«ну вот и сорок дней (читаешь: лет)...»	113
Голубятня	114
«ни мёртвый ни чужой ни-ни ни-ни...»	115
Мои похороны	116
Грач	117
«на двадцать третье каждый неслуживший...»	118
Мелхиседек	119
«Телесный сад, где ест меня листва...»	120
Чпок	121
Эфедрин	122
«Не страшась приключиться вторично...»	123
Жажда	124
Идиот	125
2012 год	127
Свердловская элегия	127
«Он перелистывал морщины...»	129
«Хрипящий волку под кустом...»	131
«Пока я умолкал, летела стружка...»	132
«Вот, и придурочная скрипка...»	133
«Я сочинил (поскольку я подонок)...»	134
«Сквозь потный снег, сквозь ожиданье, сдирая корочку бобо...»	135
Тварь из поселка Роза	136
В городе К.	137
Астма	138
Версия-DOS	139
Энтомология	141
Беременность	142
Летающий пёс	145
«Вот ведь какие дела: чем длиннее душа ...»	147
Амброз Бирс	148
Сирень	149
Гражданская война	150
«нам здесь не понимание грозит...»	151
«И так, легко переплывая свет...»	152
Серафим	153
Харьковский сон метлы	154
«фельдфебель не вылезит из штанов...»	155
«Какой-нибудь мудака сквозной...»	157
«Что ж разве мы могли не быть такими...»	158
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Кожа

Стихотворения 2000—2017 годов

Александр Александрович Петрушкин

© Александр Александрович Петрушкин, 2017

ISBN 978-5-4485-5470-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Решетка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма!
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума.
Мной не владеют большие вещи,
Все затемняя и глуша.
Но солнце, солнце, солнце блещет
И громко говорит душа.
Запоры крепкие, спасибо!
Спасибо, лезвие штыка!
Такую мудрость дать могли бы
Мне только долгие века.
Не напрягая большие слуха,
Чтоб уцелеть в тревоге дня,
Я слышу все томленье духа
С Екклезиаста до меня.
Спасибо, свет коптилки слабый,
Спасибо, жесткая постель.
Такую радость дать могла бы
Мне только детства колыбель.
Уж я не бьюсь в сетях словесных,
Ища причин добру и злу,
Но чую близость тайн чудесных,
И только верю и люблю.*

(Александр Солодовников, 1920)

2000—2008 годы

«Ты проснулся беременным – значит прыщи все исчезли...»

Ты проснулся беременным – значит прыщи все исчезли:
Это просом весна рассыпается по полу. В пол-
Шестого почувствуешь, как пошевелится (сын ли?
Дочь?), обнимет тебя изнутри. Ты положишь на стол
Две сухие ладошки, обнимешь потерянный воздух,
Ощущая иглу, что тебя разгибает насквозь.
Ты проснулся беременным. Все остальное – невроты.
И ты слышишь, как их (там, в тебе) оплавляется ось.

[Египет]

– 1 —

Снега манна, первая в эти сорок,
нота ми – из посуды, упавшей в небо,
лужа ужалит воздух одной из веревок
водяных или он разобьет свое отражение. Нелепо
не любить свою речь, но так приключилось и
я дорогу забыл, как черновик. Забыл,

– 2 —

но не город меня напугал – река
кряхтела под птичьей шубой: ах, ты – тля,
на твоём серебристом лобке – рука
замерзала до вылета из рукавов воробья
(опускаясь все глубже, в предел прирученной цели,
я не заметил, что камни свое отпели)

– 3 —

На колоде дубовой – пробковая голова
разлетелась в четыре от головной боли,
отпуская на волю мысли. Сталь не права,
но дышится легче, а на просвете – прозрачные сколы
мраморной вены и два слепых хиппаря
ищут под стать свою поводыря.

– 4 —

Хор калек не родит солиста, и я
думаю: это ветер соврал погоду
Питера для Урала. Хромой занял себя гладкописанием, а
я огляделся, сплюнул бумагу и дал ходу
до пустыни, в которой любая страна
отсутствует. Свобода – это, когда тебя посылают на —

– 5 —

ты идешь, куда хочешь. Напролом,
подобно снегу, хулящему на зрачок,
в декабре, чье начало обратилось концом
слова, и просит милостыню торчок,
чтоб гранита иней позолотил бочок
его. Бабочка умерла, задев сачок,

– 6 —

но в желтом доме ее оплачет дурак —
переводной, как пули в обойме. Дрянь
заливает дрянь мне в глотку. Шлак
складывает беззвучия в полый мрак.

Оглянувшись наружу, мы видим дно,
потому и держим закрытым окно

– 7 —

до поры, когда порченная весна
хлестанет из поры, которой женщина дышит,
когда речь – для пропавшего в зренье – тесна.
Вещь – тем меньше, чем ближе
к нервам. Рвется все, что имеет плоть:
жизнь, стихи и обугленный рот.

– 8 —

Будем стоять на своей черной дыре,
выпившей море и отхаркнувшей назад
кровавые воды. Висельник и Назорей —
едины по матери и по отцу. Взгляд
бога похож на слепоту, так как
путы его определяют страх

– 9 —

перед детьми. А сегодня – опять судьба,
троллейбус и несчастливый билет.
Мы – по части прощенья – большие доки, да
никто не хочет прощенья. Уг (р/л) истый мент
достаёт из кармана часы – ему
ехать в полном вагоне, но – как всегда – одному.

– 10 —

Одиночество – это ключ от Египта. Я
не умел говорить, но бог прошел стороной:
то ли читать не умел, то ли увидел меня,
и порешил, и соткал деревянный покой
мне. До фени, что он бормотал —
я спал

– 11 —

у расколотой камнем речи и на печи,
тырил коврижки неба и калачи
земные. Воронка ширилась и звенели ключи,
плавилось время, которым летели грачи
в лишенное оси облако, сиречь – провал.
Я спросил: где Египет? – бог молчал.
(2002)

«Спросят: какое число? – отвечай: много...»

Спросят: какое число? – отвечай: много.
Умея только до двух – все, что выше,
называю несуразно. Два века гудела погода,
чтобы сойти на блеф или что-то тише.
Мы искали смысл, чтоб потерять. Свистеть
нас учили раки и книги. Из мертвых женщин
ближе всех – та, что вдалеке. Просей
нас сквозь время свое и соски огрубеют. Меньше
руки бога – только жирный его трахарь Цезарь.
Наши дети забудут нас, поиграв в могилы.
Ни хирург, ни ветврач не спасут. Только чахлый писарь
сосчитает нас перед тем, как покинуть. «Милый,
разучись дышать...» – слышу я,
подчиняя звезду отливу.
(2002)

«В этом меде нет пчел...»

В этом меде нет пчел,
только дети и тени детей,
и дождя вертикальная нить.
И короткая память камней
разминает ладонью твоей
мокрый мякиш чужой немоты:
то приходишься братом песку,
то сестрою своей темноты.
(2002)

«Шел дождь. Росла трава...»

Шел дождь. Росла трава.
Мы пили эту воду,
мир поделив на два:
на афоризм и оду.
Остаток – пустоте
мы сбрасывали в баки.
Они гремели так,
что лаяли собаки.
С той стороны листа
глядит на нас бумага,
как мы с ее лица
пьем воду, точно брагу
Любой из нас убит,
но мы не умираем,
лакаем белый стыд,
и губ не обжигаем...
(2002)

«Закончил ветер выть, как только свечерело...»

Закончил ветер выть, как только свечерело,
а инвалид-сверчок чуть позже замолчал,
ты задала вопрос, точней – его пропела,
да я не отвечал.

О чем мне говорить, что лето нецензурно,
что нас имеет вновь любимая страна,
что ива у реки прозрачна, как мензурка,
а речка – холодна?

Что не умею жить без сурдоперевода,
что не умел любить и получил за то,
что из меня теперь течет моя свобода,
которая – ничто?

Что ты идешь гуляешь с чистопородным шпицем,
что весело свистишь, сзывая кобелей,
что в сумочке твоей двойная доза в шприце?
Давай ее скорей...
(2002)

«Соль разъедает и камень, и воздух – лишь речь...»

Соль разъедает и камень, и воздух – лишь речь
Имеет прочнее валентность – твой Харитон
Успеет обрести полураспад – пока мы течь-
Перетекать устанем сквозь щели свои в свободу.
Кода времени – это пустой человек,
С помощью междометий обратившийся в воду.

Не торопись, мой птенчик, на этот вокзал:
Поезда плетут лишь одно направление на Север, и скоро очень
Прялка выткет железную нить из аватар,
Которые падают в землю замедленным снегом,
И прежде чем изливаться из кринки – ты оглянись:
Что будешь ты – после, там, за своим пределом.

Слова кончаются. Дальше – по видимому – темнота.
Над ЧТЗ – ангелы и прочая чертовщина.
И ты выходишь из меня первой из ста:
Дыханьем, когда «-40» – сигаретным дымом.
Моя соленая речь растворит тебя наверняка —
Во все стороны от Камчатки и притворится Крымом.
(2003)

«Ловля звезд – пустое занятие, но ты...»

Ловля звезд – пустое занятие, но ты
занималась всегда этим лучше, чем я,
и после свиданий с тобой я слышал, как роют фундамент кроты
и скоро здесь вырастет Колизей, а потом – скользя
по поросшему редкой травой побережью – волны забудут про нас.
И это правильно – поскольку это – о нас.

Как только закончился бог – мы пошли в театр,
смотрели на линии между надбровных дуг
сцены и старались не хмуриться. И повторяя соцарт —
соприкасались рыбьей кожей разводные мосты. Из подруг,
с которыми я спал в те стрёмные времена —
только ты вправила влажный штрих-код в мои пелена.

Крошки с наших столов давно обрели свой гранит —
только крепость их – десять последних лет – гранит мой зрачок,
и мы прошли, как земную жизнь, холодный Аид,
в том смысле, что я в свой карман положил от него клочок.
И если кто-то случайно спросит тебя —
не отвечай ни о чем – как и я.
(2003)

«По петле перепелки в кустах ...»

По петле перепелки в кустах —
не узнаёшь пути...
и пока ты у смерти своей —
в её жизнеродной горсти

пишешь этот забытый
другими людьми язык,
что — по корню рождений своих —
почти всегда нервный тик:

размягчаясь, летишь
из себя-психопата к себе-
об-реченному и бубучишь,
как будто дитя в дите,

и рисуешь V-ию,
то, и дело — сбиваясь на Ё,
наслаждаясь тем,
как некто в тебя плюёт.

Притворись же скрипом дверей,
пепельницей или приляг на пол —
нас сметет однорукий дворник в ладонь
и вложит в дубовый стол:

в траектории мертвых ангелов —
я всегда слышал мат,
и ловил их перья,
и смотрел из себя назад.

Посмотри же, как твой слепой
ангел тьмою в тебя течет,
и яблоко из крошек словесных
во льду печет,

уподобив тебя — своим
сомненьем — кроту,
потому что речь — это способ
обрести наконец немоту.
(2003)

«О» открывает рот и заслоняет ночь...»

«О» открывает рот и заслоняет ночь
я на детей смотрю, как на Восток и Запад,
к тому же это – сын, тем паче это – дочь,
а более всего – почти овечий запах.
Почувствуй эту желчь, где сын похож на мать,
где дочка дочерна дыханьем воздух стерла,
где маленький отец ночами, словно тать,
свой голос воровал из собственного горла.
Папашки вялый вдох, который – как вода.
И дети – как птенцы, и комнаты – как гнезда,
и более всего, конечно, немота
и рано всё менять, поскольку очень поздно.
И как мне рассказать про гелий водород,
про мать своих детей (чуть не сказал потомков)
про то, как бродит сын уже четвертый год,
и как топчет дочь среди моих обломков.
Они по миру прут, как радостная смерть,
как радостная смерть отца и материнства.
А я гляжу на них и продолжаю петь,
хотя давно готов икать и материться.
Пересечем же Стикс или худой Миасс
промежду арматур, известки, пятен меди,
покуда желтый дождь, который кровь заменит,
впадает кое-как, но непременно – в нас.
(2003)

«Прожив без меня две жизни – ты научилась ждать...»

Прожив без меня две жизни – ты научилась ждать
пока тебя память сотрет до рифмы и, вымолвив – жаль,
Хронос посмотрит вслед и увидит в себе: как ты
примеряешь к морщине своей промежуток моей пустоты.
Только тогда ты отпустишь меня навсегда – и я,
как свободу свою, твои обрету края.
(2003)

«Почти как по ладони сбегают (только мимо)...»

Почти как по ладони сбегают (только мимо)
холодные пароли и мимо – голоса...
и, кажется, что тень сползет неотвратимо
в окоченевший свет, трамваи, небеса,
стучащиеся в почву. Теперь – что невозможно:
читать себя по крови... и выпадет роса,
и пятистопным ямбом стучится в пуле Пушкин —
и пьет почти как ангел нас пес через глаза.
(2003)

«Кроме того, что случилось – рыба летит...»

Кроме того, что случилось – рыба летит
Тает. И, распаясь на стороны света от севера к югу
Тайна творит того, кто ее запретит
После разломит как хлеб и вложит иголкою в руку.
Кроме того, что случилось – из прежних обид
Вспомнишь одну, из которой ты прежним был свит.

Кроме полета звезды – рассыпается речь
Так как песок не удержит себя, не уронит —
Тайна выходит из снега в одну их прорех,
То есть в тебя из костлявых снегов переходит.
Только посмотришь в пророка и видишь глаза
Соленую улицу, почерк собачий и влажный вокзал.

Кроме того, что бывает, самое страшное – речь —
Чувствуешь воздух потертый как влажные джинсы
Тайна входит в себя, чтобы не видеть тебя,
То есть твое отраженье. В бесцветной ресницы
Движенье по воздуху видишь, как Пушкин идет во дворах,
Или как шапка бездымно горит на ворах.
(2004)

«Боль. Базар. Три бакса в Вавилоне...»

Боль. Базар. Три бакса в Вавилоне.
Я стою, как тени, в темном склоне —
на горе, которая летает.
Это дерево глаголит, а не тает.

Видит теплый бог с горы пирамидальной —
то ли с этой, то ли с самой дальней —
говорит за нас и за другого
пепел. Хаммурапи. Полвторого.

Я стою в нетронутом Свердловске —
очень длинный, вмятый в отголоски.
Пролетела мокрый век ворона.
Я стою на жидком перекрестке.

Если это правда, то простите
эту белоглазую ворону.
Боги направляются по склону,
чтобы Ё-бург выпал Babylon-У.
(2004)

«Что повыше, что пониже ...»

Что повыше, что пониже —
все равно мы спим в Париже,
все равно – в руках винтовка,
бормотуха и веревка

и скудеющее слово.
Ссученное кумом тело,
нарисуй на небе нолик,
посмотри, что улетело.

Что пониже, что повыше —
все равно промажешь в чресла,
все равно заснем в Париже,
умирая слишком честно.

Если закипает слева —
значит сплюнул неудачно.
Полкопейки сбросишь в небо —
начинай период брачный.

Что по пояс, что по горло —
что вода и что чернила —
пишет лезвие худое
там, где осень нас пролила.

Что пониже, что повыше —
бродит Блок по блядской кучке
и встречает незнакомку,
чтобы буюм долго мучить

свое крохотное эго,
рассыпаясь на двенадцать
разъяренных, оголтелых
иисусов Лиепай.

Мы умрем по пояс в Сене
чтобы к слову прилизаться —
то ли в шаге от свободы,
то ли чтобы не признаться.

Что повыше, что пониже —
все равно – поближе к богу,
все равно – к Парижу ближе,
и виском прижавшись к сроку.

Рифма тычет и бубучит —
человек по пояс в сене.
Это мы для общей бучи
засыпаем в твердой Сене.
(2004)

«Левая половинка птицы, сойдя с ума...»

Левая половинка птицы, сойдя с ума,
устремляется в свое отражение – если это
правое не спасет ее, то она
будет пить аминазин – под крылом – прощенное лето.

Так пилот, не прошедший трехлетний курс,
забывает то, что его никогда не вспом-
нит: прежде всего, это, наверное, пульс
воды, встречающейся со светом в крылатой каменолом-

не. Дикая синица разрывается, не догнав пейзажа,
тает тело в пропотевшем от вида водки шприце,
набело зачеркивающим то, что было
в пшеничной заварке и сажа
это все, за что записанное слово могло поручиться.

Раскрывается тело и отпускает дно
от себя, и звенит, ударяясь о хрупкого бога,
правое разбивается – и одно
левое продолжается – как дорога.
(2004)

«Детей нет дома – значит можно спать...»

Детей нет дома – значит можно спать,
дыханьем в Ятью воздух расписать
аляповато выть не страхом – с перепюю
Не перепеть себя и из запою
Выходим с боем, с ротою бутылок,
Под звон тарелок, ложек или дырок,
Оставленных случайными людьми,
Которых ты какой-то срок кормил.
Какой-то срок. Но больше нет нам сроку.
От слова тоже никакого проку.

И спит березка в сторону огня —
чужие люди – им нести меня.
(2004)

«Драгомощенко все-таки сука. В таком-то году...»

Драгомощенко все-таки сука. В таком-то году
мы стоим на камнях у бестолкового моря —
протекут октябри, как девочка в климаксе, в аквапорту
пьет портвейн человека, пока человек пьет от горя.
Эта корь и краснуха – такие писульки-жестянки.
Несловесная дурь подстригает веки деревьям.
Режем речь на морфий и ханку. На полустанке
теплой водкой мужик чистит несуетно перья.

Драгомощенко все-таки сука. Поскольку не помню
я ни слова окраинной речи его – ни хрена
не приходит на ум – и птенчик что-то чиркает —
он наверно подобно мне бессловесно сходит с ума.
Дым не то что летит, а скорее спускается в воздух —
выпрямляя хорду насекомому богу мальков —
и придурок не слышит – потому что не слышит – поступь:
только шорох спиральный свернувшихся в голос сверчков.

Драгомощенко все-таки сука – вся зона болтает
прочитаешь – матрешки из кисы и прочих пойдут.
Так семью настрогать не слабо – подгорают
в нашей лагерной хате – наш Е-бург, Челяба, Иркутск.
Это время психует на нас, молодых отморозков —
и Лолита лабает на Гумберте – типа Набоков —
отдает петухами письмо подворотни. Морозом
пробирает речь, когда говоришь свое плохо.

Драгомощенко все-таки сука. С какого Урала
ты решил что тебя поддержи я. Такая подстава
словарю и не снилась – давай почитаем по кругу
не бутылку – подругу и этого, как его, суку.
Этот снег вертикален – потому что я параллелен
этой жирной земле, на которой поэзия пепел
оставляет заместо следов – замеси ее тесто
пустотою ладони – хотя эта рифма нечЕстна.

Драгомощенко все-таки сука. Ты далее (по парадигме)
сочиняешь меня – и ау получается длинным.
Эхо встрянет в строку, и тема сливается в сигме,
взятой пьяницей для красоты – так и пишутся гимны
там, где эта дрянная страна в людей и любовниц их тает —
мы с тобою, подруга, как ты понимаешь – в ходу:
Драгомощенко все таки сука – строка мне вослед отбивает
в непонятно каком – но точно четвертом году.
(2004)

«Январь. Снег, тающий изустно ...»

Январь. Снег, тающий изустно —
посмотришь влево или вправо —
уйди, бес – здесь в теплушке, грустно —
метла, словесная подстава.

И держит нас в себе отравы,
и голос, вытянутый в эхо
рубца – и тот, который справа,
когда мы слева.

Подчеркнут снегом подоконник —
и ты под ним стоишь курсивом,
когда трещит под словом тело
или душа невыносима.
(2004)

«Такой, блин, Мандельштам, родные дуры...»

Такой, блин, Мандельштам, родные дуры,
дрянные пули, тараканьи виски,
коньяк межбочковой и дойчен-курвы,
крапленая квартира и ириски.

Такая неистория, такая,
ты не поймешь ни черточки, ни брови —
не отрицай меня, когда у края
меня никто, и ты, не остановит.

Такой сегодня снег, твоя-моя кривая,
татарский мальчик, рассказы Казани,
касательная речи или лая,
и балалайки с домрой на казане.

Такая встреча без купюр и смысла,
как дождь без кожи и царапин с дрожью —
чирикнет облако, когда вода провисла,
и Мандельштам летит по бездорожью.
(2004)

«Вот, и аукнулось то, что неписано было ...»

Вот, и аукнулось то, что неписано было —
иероглифы и погремушки устроят пургу на столе —
зазвенела тень, в Dos погружаясь, по бабски провыла
и присела со смертью, растить мое слово, в золе.

Ни фигу же себе – такая феня-морока
перекликать гальку с песком и Оленьку с Зиной —
ничего о пороке, ничего, кроме порока —
переводим отсюда порох на пряники с глиной.

Повезло-развезло, что аукать свое бездорожье,
двуязычье срамное родных ЧилибИнских козлов,
что покрыться гусиным пером и дырной рогожей,
только сколько бы не был с з/к
– все равно говоришь про любовь

Вот, и жизнь не прошла, потому что неписано было —
проскользил по стекляшке споловиненный гвоздик нержавый,
вот, и жизнь погружает нас в Dos, тот который навила —
я стою без любви, у стены, у великой державы
(2004)

«В моем бездарном камланье потомка мордвы и манси...»

В моем бездарном камланье потомка мордвы и манси
отыщется много разных, забытых с рожденья вещей.
Так не начнется январь. В полуподземном приходе
стою, как слог осознавший, что он от зачатья ничей:
в этой густой полумгле – расщелин крысиные морды
нам отворяют воздух, чтобы учились дышать —
руки его слепы, вежды черны или стерты,
и забываешь, пробив скорлупу, как твою звали мать.
Но этот тихий ангел епископальных психушек
нас не найдет во тьме – и только наполнит ее:
попробуем сосчитать, сколько под кожей кукушек,
сколько прощенных женщин в нашей лимфе плывет.
И прогибаясь в хорде, станешь причиной дрожи,
скользящей по постной иглы бронзовым позвонкам:
услышим ли этот крик разорванной небом кожи?
узнаем ли спуск под воды по дверным косякам?
Только не говори, не открывай глагола,
не отвержай пространство или зыбкое время,
чтобы хватило на зобку неутоленного плача,
чтобы нас укрывала, прощаясь с бесстыдством, темень.
Так и прядаю нити из незамерзших топей
Скрипа и торфа – эта телега всегда – на дюйм от тебя – пуста.
Выучим мертвый язык, чтоб говорить вместо мертвых
И узреть, как вскипают от холода наши уста.
И не оспорь меня как фруктовую жертву:
смотри, как в тебя втекает с порезанных пальцев нить
соков уже не моих и не твоих – то есть младенцев третьих.
Стикс покидает тело, чтоб тело не осквернить.
В осколке моей темноты ищет ладошка буквы,
потраченные в сокасание воздуха и языка —
пусть тебя не встревожит запах горячей клюквы,
в которую бабочкой смотрит из лимба слепой косарь.
(2004)

«Недосчитанный город – с этой секунды уже только град...»

Недосчитанный город – с этой секунды уже только град
пролетающий – ангелу, падшему в топи – отверстие горло.
Начинается чтение тел, оставляющих души —
это то, что движение пальцев твоих в мое воскресение втерло.
Это дата моя и чужая растянута в средневековье
от костров к телескопу, с троеперстья к скудеющей сводне.
От такой ли родни ты укрыться хотел в нелюдимой пустыне?
Или так роженица взлетает из рук к распаленной любовником
сходне?
Если ты понимаешь, что я говорю – значит, даты не помнишь:
не родишься ангелом – значит, китайцем семьсотым
это тонкая дрожь пробегает сквозные надбровные вены, как
обжиг.
Надвигается тьма из рассвета птенцом желторотым.
Там приколоты к твердой воде тату из морфия и героина.
Не оспоришь себя, если ставишь на зарытые в торфе тропы:
это только размазана между пальцев и свита в безвременье глина,
это колет водица соленым колодцам полые стопы.
Поднимаешь глаза, чтоб увидеть нас в зрачке бога, как снег,
по тоннелям бредущий его неуклюжей походки —
это поляя радость из зарукавных холодных огрех,
это свет от вечера, прудетой сквозь сходку нити с иголкой.
Отвердевшая прядь безруких божков из до-верья,
где кидает нас маятник стремных времен в лабиринт пустоцвета,
открываешь ли двери в себя или только преддверье —
но всегда, просыпаясь, вдыхаешь осколок от света.
(2004)

Поплавский

Смертно жизнь посмотрит в тело,
Излетая вертикально:
Непрописанный на белом —
Проживает на вокзальном —

Али в воздухе, али в горном —
Небом тонком – коридоре
Стерты сроками предлоги —
Героин горит на воре.

Ни фига себе разлука! —
Вот те дата, фот те фатер-
Land – сгрызут ее, как булку —
Только тело выйдет матом.

Смертно жизнь залита в гвозди —
Это в смысле неотвратно
Вдох заходит к связкам в гости,
Чтобы истекать обратно.

Ненарочно, как расплата,
приподнимет вера корку —
мы приходим вверх из ада,
чтобы вниз построить горку.

Иглы-четки, блин-поэты
Расползаются под снегом.
Был Поплавский, да весь вышел
Поплавком над грязным смехом.

Ничего себе молчанье
И для голоса обертка,
И Каренина-блядь-Аня...
Нянька-мамка, где же водка?

Выпьем все. Из колыбели
Всяко дело выйдет в матку,
И гондоны тьму посеют,
Чтобы тройкой мчаться в Сатку.
(2005)

«Жалуется на холод Овидий и иже с ним и ...»

Жалуется на холод Овидий и иже с ним и —
Зрение здесь ни о чем не подскажет, а молвишь и дату вынешь
В эту Румынию, то есть потерянное колено Иерихона.
Смотришь в упор и распустилась вена.

И не родится дочка приплюснутого Мордехая —
Вскоре завоют суки и приближенье стаи будет растянуто
в рельсы —
Скорбные, как колеса. Сверстанным в память лицам
Не сможешь задать вопроса.

И никого не жаль. И нет ни Афин, ни Греций
Как речевой оборот встретившись с Телемахом в Одессе
Овидий жалуется на холод – который живет в его Лизе и рвется
последний слог
К придуманной им отчизне.
(2005)

Бессмертие

Выбывая из пая причудливых метаморфоз —
Что, Овидий, все спишь на карпатских небесных краях? —
На ладонях – все слово, которое вынести нес,
На чернилах же – ночь, что свои надкусила края:
Если спать – то и видеть продавленный телом мороз,
Чтоб впечатать Гомера в заносчивый ритм снигирия.

И – пройдя половину иль треть мне приложенных лет —
Неприлежно зубрить эту азбуку мертвых племен —
Опускаться не ниже, а выше – туда, где надломленный свет —
Вьет гнездовье себе – из пристрельных на имя – времен,
Выбирая небритой щекой пошрамнее кастет
Или нашему сраму, Овидий, подобный урон.

Что, Овидий, все спишь – не свои – отпуская – слога
Под водою небесной? Как рыба – глотаешь словарь?
Опускается ночь ниже нас – не по мере туга —
Как дорогу сдержав – на плечо приспускается тварь
И связует – раскольные днем от людей – берега,
И в охоту смотреть, уподобившись камню – как встарь

Ты смотрел. Вот, и я – отбываю в страну – без вещей —
С Энеидой в подмышке, с ненужным другим языком —
С папиросой в зубах – состоя из просторных щелей —
Сокращая пути – как в лавины обрушенный ком.
Если спросится: кто? – отвечай – по наитью – ничей —
До конца – до избытка изнанки – извергнутому ртом.

Что, Овидий, не рано ли видим нам – в сумраке – лес
Из – скороченых в тени – людей или призраков их? —
Если спрошено – значит отвечено – значит отвес
Отклонился на сторону речи – как птичий чирик —
Значит, зрит из бумаги – на нас поделенный порез —
Как ни странно – в разрыве своем – съединивший двоих.

Нас с тобою, Овидий, пристрочит к реке назывной мошкара —
Это дальняя Припять – за длинным туманом приходит сюда.
Что не спится, скорее, причина – нежели ноль. До утра —
Говорит себя «нет» – за личиною скрывшей нас «да» —
И себя о (т) пускает из неба, как смер (ч/ш) и гора —
Или ода звучит – как собой, захлебнувшись, вода.

То не утро зарится на твой занавешенный дом —
То плутоново царство – к речей виноватым соскам —
То все девять кругов притекают во фразы гуртом,

Как вина расстоянья – отчего то подвластного нам.
А щенячий восторг все летит из бумажных сторон —
Обжигая обратную ересь остывшим губам.

Что, Овидий, похлебка густа?.. – в смысле: изгнана речь —
Вместе с нашей одеждой, что свалена мертво в углу,
Отбывая оттуда, откуда бы надо истечь —
По-младенчески – с утренней жаждой – в отцово «агу» —
Переправить нельзя – от того, и приходится лечь
В свой – насмешливый – полуязык, из которого спешно реку.
(2006)

«ПОЛОВИНА СВЕТА ПОЛОВИНА ТЬМЫ...»

половина света половина тьмы
чёрная водица – не удержишь Ы
буковка по букве – словом к следу я
падает на небо голая вода
никакой не брат мне – в половину сын
раскоряб в колене – вечный твой акын
я стою в серёдке – будто H₂O
остаётся света вполвину О
(2007)

«на заветное ау...»

на заветное ау
как печаль и покаянье
на приют прибудет света
или воздуха на камень

что прибавишь тем и встанешь
и укус пересечешь
видишь скажешь и растаешь
как оплавленное слово

и условленная ложь
(2007)

«Не с тьмою говоришь, а с этим за стеной ...»

Андрею Санникову

Не с тьмою говоришь, а с этим за стеной —
Как рыбным позвонком, дощатою спиной.

Как урка назывной своей прекрасной речью —
Не тьмой, а говоришь, как будто изувечен.

Прости меня, страна, и будешь ты простима —
На тьму и пустоту – словарно нелюбима —

По черным поездам, с начинкою молочной,
Туда, где свет и снег. Ну и т. д. короче.
(2007)

«Вот так, по фобии твоей, начинается звук ...»

Вот так, по фобии твоей, начинается звук —
Как будто бы дождь обрёл кости и ими стучится
Вот так – в эти стены твоей темноты – расступаются вдруг,
И только лишь страх твоим страхам не может присниться.

А я не страшусь – ужасаюсь, теряючи речь —
Горючую тьму – языка поносимую спичку —
И так же, как ты темноты твоей в стуче боюсь,
В кармане свернув немоту, как от смерти отмычку.
(2007)

«СПЛОШНАЯ ВОДА ЯЗЫКА...»

сплошная вода языка
и сплотилась война языком
я верно сказал
а тебе говорю не о том
прочитан язык
на котором не я говорил
осветит вода не Итаку —
Плотинку которую речью топил
она догорела и сеть дотекла до страны
где слово и слово в лицо не узнали войны

где ходят как люди то Векшин а то Гумилев
а соль протекает среди обожженных столбов

фонарных а я не узнал
и иду по мосту
и краешек этой войны
не держу а несу
(2007)

«даже ты не поймешь как тобою смотрел в воздух он...»

даже ты не поймешь как тобою смотрел в воздух он
разбирал на запчасти и примерял к себе землю
он помешивал левой ладонью то дым то тепло
то подмигивал то решетом рассеивал семьи

они шли от канвы от канавы сквозь север на юг
как цыгане таджики славяне иные холопы
занебесных империй откуда приближен тук-стук
он просеивал их через пальцы и снег словно ветер

даже ты не поймешь из голландии вялой своей
как разобрано было всё горе и горы и печи
онемелый стоял этот бог и смотрел
как внизу жили дети что его отрешили от речи
(2007)

**«вот и ещё один еврей на сером асфальте
плакал сегодня говорил отдайте...»**

вот и ещё один еврей на сером асфальте плакал сегодня говорил
отдайте
отдайте магнум отдайте узи и эквалайзер
я отдал бы

вот и ещё один местный урка доставал финак говорил куртку
отдай отдай верни мою молодость и первую ходку мне говорил
стыдно
я бы отдал да тоже стыдно

а ещё приходила бывшая ощупывала своё тело как лишнее
щебетала отдай моё тело помаду тени шампунь пиздёночку
всё что мог вернуть – вернул ребёночком

приходил к себе говорил отдай не придумал что
но просил полай – подавал себе язык еврея урку бывшую
вот и плачу подаю щебечу всё что лишнее
(2007)

«– мне надо знать кто со мной – говорил вийон...»

– мне надо знать кто со мной – говорил вийон
он ходил по пятам за мной – параноик и вор
выходил во двор говорил за червей падал в мразь
– надо знать где небо чтобы туда упасть

– надо знать что за мной – говорил по ночам франсуа
где вийон крепко спал потому что сходил с ума
– никого не простить если этим червём не прощён —
говорил над вийоном тот что был не вийон

– переводчик с тобою скоро сойдёт сюда
говорил перевозчик в жизнь и туда-сюда
он ходил за вийоном, который ходил с франсуа
повторял себе – не сойди с ума не сходи с ума
– надо знать не знать
кто за мной
кто со мной
за плечом
франсуа вийон —

дольше неба
в котором он
(2007)

«рукою тронула не той...»

рукою тронула не той
которой длинной

жить приучилась в смерть – постой
у шконки глинной

свинцова жизнь но жестяной
шажок в автобус

верняк негордый шестерной
смотри увозит

смотри выносят говорят
о чьей-то светлой

а за окном – два фонаря
под глазом третьей

на четверть выбитый сквозной
по праву зуба

и голубь с телом говоря
ждёт лесоруба
(2008)

Женщина сороколетняя

привкус чего-то актуального наверное литературы
снобизма (идитынах) крики панаехали тут всякие дуры
всякие всякие

целую тебя за ушком

в избушке между кладбищем и небом целую то кладбищем то
небом
то есениным то женщиной сороколетней
летней

трогаю мну обдираюсь ботвою до крови
типа дайте мне гранса дайте водочки и любви
слова нет – остаётся твоё тело

тёплое и страшное

за окном светает от неактуального снега
(2008)

«крохотное небо назывные буквы...»

крохотное небо назывные буквы
подсадила мама кума на копейку
посчитаешь – сдохнешь от любви и муки
но читают в хате по солдату швейку
но читают в хате кружевные окна
умирая нежно от красивых сук
хавает ребёнок у родного голубя
из трёхпалых резаных/
тёмно синих рук
(2008)

«Она зашла не в магазин...»

Евгении Извариной

она зашла не в магазин
она зашла в субботу
и оказалось нет дрезин
чтоб завести работу

она бы гладила её
как бы ребёнка свет
или котиха свой живот
не успевает спеть

она гуляла по земле
по почве во дворе
а снизу поднимался свет
и плакая в ответ

она зашла не в магазин
(здесь: левый поворот
ей скоро: сорок и один
а после новый год)
(2008)

Чад

Ольге Ермолаевой

над головами в чад трамвай влетел разбился
на стаю медленных ворон
разворотился

на стаю медленных ворон на горловое
молчание на дирижабль
над головою

свистит молчание свистит заветной уркой
над головами в чад трамвай на полудурка
всегда дурак

найдёт игру цветные тряпки
на перестрелку есть всегда свои
посадки

над головами Чад трамвай и дым до пепла
и я стою – не навсегда

светло и слепо
(2008)

Кыштымское Рождество

как «-20» эта водка плывет во мне из яблонь лодка
мороз мороз пустой кыштым
[плывет за ангелом один]

плывет как «-20» только их наблюдаешь ты со спин
идут обнявшись через круги
[остынь остынь]

через седьмые руки речи сидит кыштым у русской печи
еврей евреем среди льдин
[немой с немым]

поговори со мной я смертный за это дан двойной язык
чтоб ангел говорил до смерти
[как смерть иным]

как в «-20» дети зеки смотри живут
с кыштымским ангелом до смерти
[и там и тут]

и дым к земле ластится как бы почти щенок
и ангел у детей и смертных
[лежит у ног]
(2008)

«переходи меня как мост – сегодня перешел октябрь...»

переходи меня как мост – сегодня перешел октябрь
за половину дат своих я спрашивал а он молчал
переходи пере-хоть-что умывши руки до костей
денщик проснулся ну и что он слышит хруст
пустых гостей

переходил переводил с французского даязыка
двоих солдат чем рассмешил он встал пока в
округ ходил – он впал в густые облака
он впал в сосновую постель в погибель
тварей и друзей

его везли издалека и гроб в харбин от колчака
парил начав лишь говорить
в пустынной волостной дороге
и на байкальском переходе
ОН ВЫМЫЛ НОГИ

начал пить.
(2008)

«Я ПОНЯЛ Я НЕ ПОМНЮ Я...»

я понял я не помню я
у поезда есть берега
вожатый поезду сюртук
связал – урюк

диагонален только свет
мы параллельны света нет
сплошная дочь прерывист сын
я не один

как снег здесь пропадает дым
которому сказала сгинь
старуха [выход у метро]
и хорошо

мне холодно и восемь смен
маячат впереди – совсем
своё двоим не пережить
глаза зашить

и шастать по слепой войне
со всеми в мире – наравне
вагонная иная речь
совсем без плеч
(2008)

Самурай Муму

помнишь мы были рельсами – на земле
только нет только нет только нет
Дмитрий Машарыгин

пишешь что пишется типа ну ладно
завтра яичница сёдня сегодня
как сарацин как седзин
навсегда ты
но не молчишь
по значенью не поздно

это не поздно вот падает ветер
падает вечер москва и отчизна
русский башкир самурай
едет поезд
едет безмолвно
в поиске сына

в этой стране неподъемной ну ладно
сегодня беременность завтра по новой
ты с ножевою
словесною раной
встанешь в главе
прицепного улова

в белых столбах зачумевшего снега
с блядской эротикой добрый
поручик выведет нас
на семнадцатом поле
выпустит голубя барыня
сучек

крошки клевать у последних прохожих
с дантова круга до дантова мира
едет башкир самурай
будто русский
едет отчизною
в поиске сына

едет молчанием едет с едою
едет с елдою по дырам затёртой
с ним гомофоб и таджик и пророки
крошки клюют
алигьеревской
новой

а за окном закопченным сосновым
сын как щенок перекрестит всех лапой
едешь в семнадцатом
птичьим помёте
сын подвывает
– куда ты куда
ты

как немоты коченеющей остов
сотня сторон и башкир виноватый
видит как поле на выстрел
выводят
белые ангелы
или палаты

пишет по ветру едет за сыном
и стрекозиная речь самурая

(сын подвывает там через поле)

краем своим всю себя
удаляет
(2008)

«ТОТ ЕЩЕ ПИТЕР ПОЖАЛУЙ МОСКВА...»

тот еще питер пожалуй москва
хоть б садовая дом номер два
два обалдуя бредут через лес
это арбат он стоит без чудес
скоро умрут эти голубя два
белому снегу не пережва
ать говори говори два шара
может прибьется к тебе мошкара
чувствует нас электрический ток
раз есть здесь выток то значит исток
тоже там есть понимаешь меня
это не Питер сплошная Москва
ходишь и ходишь всё тащишь Кыштым
и за тобою молочный как дым
этот идёт как густой идиот
снег перевёрстаный наоборот
тут есть москва остальное кыштым
и б садовая плача по ним
я прохожу и на той стороне
крыльями машут
наверное мне
голубь и голубь во рту
снег горит
тот ещё питер меня
перейти
(2008)

«СПОЛЗАЮТ С НИЖНЕГО В КЫШТЫМ...»

сползают с нижнего в кыштым
Собака Пар Тесак И Блярва

четверка их – по стенке скрип
кыштым кыштым
Чего нам надо?

чего нам надо надо что?
я говорю – собак и блярва
отходят в сторону на стук

и воздуха наждак
НА НАДО

идём мы станцией Потьмы
по эти обе стороны
четверка их и прочих тьма

темна у света
Сторона
(2008)

Владивосток

вот гончая страна
полай и отойди
господь не впереди
и шконки на запасе
а взгляд как у воров
стоверстых перейди
но с воем погоди
он здесь опасен

вот гончая страна
нессученый поэт
читается как хлеб
в глухом владивостоке
и пашут эти финки
воронеж и вийон
осоловей земля
всегдастопервой стройки

приветствуй мя земля
которой я живу
которой я умру
и досыта наемся
отеческих гробов
и костяных корней
родного языка с которого
не деться
(2008)

«ПОЙМИ НИКТО НЕ ВИНОВАТ...»

пойми никто не виноват
ни в том ни в этом отвечай
из пустоты как урожай
всё отражается в вине
пойми закроются глаза
а ты внутри на глубине

всё против почему
ты
за?

пойми никто не виноват
дрожит судья в тебе дрожит
немой и триста киловатт
земли с виной
в тебе
лежит
(2008)

«ТЫ ПИЗДЕЦ ХОРОШИЙ ПАРЕНЬ...»

ты пиздец хороший парень
так пиздец не остановка
что ласкаешь ты в кармане
неужели там винтовка
едет поезд едет поезд
три вагона едут рядом
удит пассажиров новость
неужели ты не рада
ты пиздец ты из парижа
видишь ангелов на теле
очень трудно не поверить
если хочется не верить
ты частушка я частушка
переходный типа возраст
едет поезд в нем винтовка
ты пиздец отнюдь не холост
снегом черным и кровавым
дуры дым вослед пускают
сквозь железные деревни
три вагона и не тают
мы деревня я деревня
мы пиздец хороший поезд
я на утро просыпаюсь
значит смерть как баба
полость
(2008)

«без оболочки дочь Вийона...»

без оболочки дочь Вийона
летает шариком над домом
и выше дочки только тать
идём искать

всё улетело улетело
осталось мокрое лишь тело
и выше кожи только тать
летим летать

без оболочки дочь Вийона
стоит в холодном незнакомом
без почвы тьме верстает мрак
и слову прах

под снегом под пургой под белым
вийон и дочка все без тела
и дети тычат пальцем в окна
там Бог в нас

идёт – но видят только дети
считалочка – ты будешь третьим...
а выше слова только тать
пора порхать

невинность опыты вийона
и дочка ходит незнакомым
ему путём и только снег
накроет всех
(2008)

«горячая и мутная река...»

горячая и мутная река
она течет как огонь издалека
издалека как бабочка летит
и машарыгин с небом говорит
он падает разводит руки-суки
от сук не деться – есть соснора только
насколько ты готов на сто настолько
что речь взбивает воздух брешут в гугле
что гул небесен – тили тили тесто
горячая и мутная невеста
летит от небеси за каплей капля
а машарыгин с небом говорит
как столп и дым почти почти стоит
издалека из пятен подзаборных
его восьмиугольный вертолёт
идет по небу говорит заводит
пустынна речь что нам его речёт
горячая и мутная река —
дай бог пройти его дурные руки
издалека он падает до дна
но рцы еси до аз до юз до твердой буки

насколько ты готов?
на сто на сто
(2008)

«у лены объектив внутри вокруг её калитка...»

Елене Оболикита

у лены объектив внутри вокруг её калитка
ходи и хлопай изнутри как урка и улитка

у лены праздник новый год подряд день двадцать пятый
выглядывают из меня то урки то солдаты

у них набитый камнем рот и ищут лену вроде
а я пойду служить на флот на сухопутнем флоте

похлопай дым мой по спине ты лена и марина
а у меня есть немота как долька апельсина

недетские пишу стихи у лены в объективе
а санников проговорил что есть всегда четыре

что есть четыре стороны у темноты есть света
калитка у меня внутри а лена не одета

у лены объектив и взгляд – он за меня в ответе
ходи и хлопай изнутри на том и этом свете
(2008)

«муж говорит жене...»

муж говорит жене
хлеба и воды мне
днеси себя нести
в этой как мы длине
муж говорит жене
встань и иди за мной
так говорит и злак
так и плывёт ной
ноешь во все глаза
прячешь четыре руки
мне продолжать тобой оба мы старики

оба с красной строки
из деревянных глаз
только свинец на бровь
и древесина в паз
прячет четыре руки
муж который принёс
все деревянные его
младенцы что из волос
густо его растут
хлеба воды и тут
бог обрывает нас муж протянул глаз

влажной жене своей
днеси на небеси
выращено зерно
вздогни или неси
муж говорит жене
жена говорит муж
дети растут сквозь них
из тёплых свинцовых луж
муж говорит снег
роды идут день
тридцать восьмой домой
с кузнечьих своих колен

бог перерывает нас
хлебом водой дерьмом
фонарь муж и жена
поровну всё равно
прячет в четыре руки
маленький муж жену
будет долго искать и не найти ему
(2008)

«когда есть смерть есть я...»

когда есть смерть есть я
за разговором (разговором измеришь ты)
по бету в храме стоит иосиф его прямы

пути и путы (снег начался) летит сквозь лоб
и бога косновенье ртутно
как оборот

по речи
хаббала зима и астана
и смотрит в тело не глазами его страна

когда есть смерть мы не забыты и слава бо
г остаётся как постскриптум
читает бо

и только речь нам не спаситель и демиург
когда есть смерть мы расстаёмся
уже без рук

когда есть смерть
ты произносишь (и несёшь)
tehot-хосек

и воды небо в водах носят
как стыд
на всех
(2008)

* * *

Борису Херсонскому и Андрею Черкасову

Тает пахучее облачко конопляного дыма.
Смотришь и понимаешь: революция необходима!
Борис Херсонский

Водка наперекор – водовоз седьмой
В бочке последней вертит тебя домой
Андрей Черкасов

всё едино в предместьях у барина всё едино
плачет один о себе пропавшем другой на льдине

собирает хворост на солнечные часы
смотрит смотрит на церковь из темноты
церковь смотрит из темноты на андрея
он собирался шагнуть он почти поверил
сделал два шага по водам затем под ней
жабры задвигались тело стало быстрее

всё едино в предместьях новой гражданской
войны не бывает бывает зато что оплатим мы
свежий сырок «янтарь» и бутылку спирта
стерилизуем себя изнутри чтобы речи чисто
выходили из горлышка у своей темноты

всё едино в наречье у барина всё едино
никто не бывает первым тем бо последним
мир построен из единого или осинового клина
но кто запускает в нашем омуте бредень?
а водовоз над водою скрипит в повозке
и вынимает на свет от часов своих отголоски
то ли речей то ли ангелов всебухих
на минарет залетел и почти затих

всё едино съедобно в этих лесах единых
утикает речь или словарь разбился
что под водою сделаешь с этим дурным пророком
если ты говоришь значит я не слышу
я потерял все связи с твоим порогом

двое в предместьях льдины почти не дышат
(2008)

«Нет замечательной реки...»

Нет замечательной реки
ГРОЗА ШУМИТ В ГЛЯДИ ГЛЯДИТ
А ГЛАДИТ ПРОТИВ ШЕРСТИ
ЕСТЬ У ТРАВЫ СВОЯ СУДЬБА

НО ВОТ ДОЕДЕНА ОНА
ТЕПЕРЬ – СТЕНА

нет незамеченной воды
снегов сегодня пруд пруди
и град падёт над головами
прелестен свет он между нами
сечёт то фишку то судьбу
и ни гу-гу

ХВАЛЁННЫЙ БРАТ ЗОВЁТ В СИБИРЬ
ГРОЗА В ГЛЯДИ СВОЁ ГЛЯДИТ
ПОГЛАДИШЬ ПРОТИВ ШЕРСТИ
И НЕБО ТЁМНОЕ КАК ШЕСТЬ
ТВОИХ ДЕТЕЙ БЕЖИТ НА ЖЕСТЬ

И ПОСТОРОННИМ СВЕТИТ
А КТО ТЕБЕ
ОТВЕТИТ?

земля похожа на шмеля
жужжит когда из лап огня
порвутся на нейтрино
Наташа и Ирина
нет замечательной реки
гроза то шепчет то урчит
и ты живёшь в свердловске
но снега нет пришёл кыштым
за ним озёрск или булдым
или соседский коля

С ПОРТВЕЙНОМ ОН ПРИШЁЛ ОДИН
СТАКАН ДОСТАЛ А ТАМ ЗА НИМ
СЛЕПОЙ ГОСПОДЬ ИДЁТ ОДИН

И САМ СЕБЯ НЕ ВИДИТ
НО КТО ЕГО ОБИДИТ?

земля похожа не жужжит
пока слепой на ней стоит

и слепоту корявит
но если он из топора меня
пристроил в тополя
то ульем я предстану

хваленный брат иди в Сибирь
Соседский Коля там стоит
под лампочкой в руке
он держит по карманам стыд
и этот стыд огнём горит
и шмель не дерево простит
а мякоть семи сит

ТАК ЧТО ЖЕ ВСЁ УХОДИТ БРАТ
МЫ ПЕРЕХОДИМ БРОДОМ АД
СВОИХ ПРОЩЕНИЙ И ЩЕНКОВ
ГОСПОДЬ ГОТОВЫЙ НЕ ГОТОВ
И МЕСТА НЕ НАХОДИТ
А КОЛЯ В ПЕРЕХОДЕ

стоит веслом стоит крылом
каков еврей таков закон
нет замечательной реки
господь не пишет со строки
первоначальной не найти
и говорит как мёд
прости

там колю видел я господь
он вбитый в электроны гвоздь
в подземном из потоков
там коля он един портвейн
там коля пень и коля день
мы переходим нашу тень
и рядом этот коля

теперь не коля только рад
никто господь не виноват
пернатых камушков парад
жужжащих галечек и ос
которых коля не донёс
летят стеной
назад

И ЭТОТ МАЛЕНЬКИЙ ГОСПОДЬ
СВОЙ ПАЛЬЧИК ТЫЧЕТ В РОВНЫЙ РОТ
КАК ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ОРЁТ
ГЛЯДИ ГЛЯДИТ
В ГЛАЗА

(2008)

«пилили женщину пилили...»

пилили женщину пилили
на части две и три и три
пилы звенели после пили
в них наступившей тишине

глобальные как пионеры
недавно умершей страны
немедленно остервенели
пилы три шли и шли и шли

пилили женщину на время
пилили вдоль и поперёк
земля ломалась безраздельно
и плыл невидимый как ток

её необъяснимый голос
на части две и три и три
её ослепших пионера
шагали вдоль белым белы
(2008)

Расписание

в далёком ехать ехать в близком
вагоне электрички до ростова
дожать балканскую дожить чужие спички
дожечь уже не видишь не готова

в далёком ехать и скрипеть навывлет
пружинами мужчинами детьми
вагоны переполненные мною
взлетают в небо около семи
(2008)

«не сойти с катушек не...»

не сойти с катушек не
обратиться к немоте
те и эти эти те
смотрят на себя во мне

эти эти эти те
он один лежит во тьме
улыбается теперь
вышел весь и запер дверь

улыбается из тьмы
это те а это мы
бормочи под нос земле
не сойти с катушек не

в снег летят

и смерть и дети

улыбаются в просвете
(2008)

«в селе (так сказала корнева)…»

в селе (так сказала корнева)
да в селе – корни ближе всякого текста
любого кадра.

ты глазеешь наверх чтобы в межгород пролезть
ты присутствуешь (будто бы) зритель
последнего гада

берега все восточны все водочны эти края
это будет не так по мостам и заградам
(спит зритель)

это будет вчера (что неточно) позавчера
зона спит (а за нею спокойный спит
вырезвитель)

в том селе в том краю чьим присутствием смыты края
корни ближе всего и затянуты ниткою
неба

(натюрморт) недопита на треть третья рюмка края
речь из воздуха нёбо касается нового
неба
(2008)

«ТЫ ЖИЛ В КЫШТЫМЕ ЖИД КЫШТЫМА ЖИВ...»

ты жил в кыштыме жид кыштыма жив
ты лез на ветки но орал от боли
от всякой задыхающейся воли
ты жил в кыштыме между твёрдых жил
церквей которых здесь всегда четыре
и рек подземных от которых три
пруда стоят по ним ночами ходит
один один престранный человек
и если с ним идёшь то он заводит
в такие дебри где незрим нам лес
он каркает он говорит но внятн
отнюдь немногим поднимает воды
и небом едут некрылатые подводы
собака кропит всеянварский свет
а ты лежишь и смотришь из подводы
на этот проникающий нас снег
(2008)

«пора заснуть пора брат на покой...»

пора заснуть пора брат на покой
пора на боковую за рукой
тянуться в сон
и доставать неспешно
то дерево с зарубкою то сон
страшнее ночи а глаза закрыты
и крутятся во сне не по орбите
а против даже этой часовой

пора пора глаза почти закрыты
неспешные
и кажется умыты
отскоблены слайд кадрами молвой
всей суточной
не то чтоб суетой
древесною и ручьевою тоской
а выглянешь за сон в часу четвёртом
и бог стоит над белою метлой
(2008)

«слитно пишется рцы плотно речёт вода...»

слитно пишется рцы плотно речёт вода
кожа тебе горчит нет говоришь куда
в плотных слоях судьбы плавит себя Иов
переводи мосты на птичий из всех языков
переводи себя по тёплым мостам сюда
ласточкой пролетит мимо тебя плотва
минувшим тебя крылом талым к седьмому числу
что ж обратиться в юдоль для рцы
в слог воды в звезду
(2008)

«разговор со снегом и базар за нежность...»

разговор со снегом и базар за нежность
по канве конвой из пернатых тепло-
кровных – центробежность
промелькнула пеплом
явную небрежность
ты успела первой

надорвать январский как снежок последыш
выдохнуть на память родных междометий
вытащила первой
этот свет на тельник
начиналось утро
словно понедельник
(2008)

2009 год

«комочек переваливая...»

комочек переваливая
с боку на бок
еще не Бог а бога нет и
на фиг

идешь под фонарем
чертя не круг
и черт не брат еще
и бок не друг

в дыму всходил
как пересказ неточный
вагонный ресторан
беспотолочный

комочек переваривая
место
в котором людям было
очень тесно

под яблоней стоял и видел небо
прикусывает корочку от хлеба
(2009)

«на то смиренный человек клюёт ранетки с мертвых яблонь...»

на то смиренный человек клюёт ранетки с мертвых яблонь
засматриваясь в водный крест и в прорубь
перечёркнут за день

он пересматривал себя – пока за мышь возилась выюга
метель себя переждала и переплавил
испуга

предвосхищенье – он входил под своды теплых снегопадов —
чужой еврей – степной калмык —
и большего уже не надо

на то смиренный человек пересчитал свои убытки
и Бог смотрел из всех прорех – как ленин
в первой с открытки

он пересматривал своё: хозяйство темные дороги
никчемное но ремесло ранетки
высохшие ноги

он перемальвал себя переменял себя и льдины
вдоль чёрных яблонь и пруда
горелой глины

на то смиренный человек клевал свои прорехи богу
и холод говорил как смех но
по другому

нельзя и всходит из воды как сталь сквозь овны
всё тот же точный человек
ранету кровный
(2009)

«ТЫ НЕ УМЕЯ ЛГАТЬ Я НЕ ИМЕЯ ПРАВДЫ...»

ты не умея лгать я не имея правды
стояще в пустоте не стоишь но всё чаще
входьще через твердь взлетая через воды
мы проникаем смерть рекуя от свободы

среди знакомых блюд блядей первопечатной
где отменен трамвай подземными путями
покурим это друг из общей самокрутки
набитой беломором и мертвыми друзьями

крутые берега кыштымской хиросимы
нас вспоминают кругом и призывают кости
и кости прорастают из земляного мяса
и звонят панихиды как веселяци гости

на берега этила выходят графоманы
и пьёт нас алкоголик простимый и простёртый
а костяные птицы перешивают раны
и покидают е-бург потомственные Лоты

ты не умея правды я не имея молча
стояще в пустоте и в камне коим смерить
нам удастся смертность подземного трамвая
ни живы и ни смертны что стоит только верить
(2009)

Семейная ретроспектива

им и было то лет ничего
в магазин заходили как дети
мир пузыристый словно стекло
видел нас в переломленном свете

в этом вывихе черных окон
и с этиловым галстуком в горле
нам и было то лет от того
что повидился ангел в зазоре

и летящий навстречу мне снег
по хрусталику окситоцина
обещал внутривенный и смех
обнимал переломами сына

говори же со мной говори
мать с отцом там остались иные
только свет остается как свет
даже если меня опрокинет

и вокруг остается гало-
периодол остаётся чуть сзади
здравствуй дом переломленный дом
и звенят у дверей санитары
(2009)

«скорее проступает ледакол...»

скорее проступает ледакол
с той стороны оконного желудка
напротив мясом мучают щенка

вагонная блядина в форме сутки
блюёт на чистокровную кровать
разносит чай с вагоном-рестораном

что ей осталось? только напевать
и напиваться – потому что рано
(скорее проступает ледакол —

по рвотной маске рыщут в нас менты)
и сдохнуть рано даже от того,
что смерть длиннее всей своей тоски

апрельская стальная лимита
на крыше съехавшей стартует к Армавиру
вагонная блядина умерла и потому не стало легче миру

возьми меня в свой невозвратный мир
и ледяного чая подливая – води меня где я других водил
где мяса в нас от края и до края

где речи в нас на переезд до смерти
где всякий оживает до Сысерти
води меня щенка до Армавира

Апрель. Вагонное депо и смерть.
Спасибо.
(2009)

«как ни смотри война воде война...»

как ни смотри война воде война
из дыма руки тянутся до дна
на кухне авраам и иафет
застыли ищут старых сигаре

т (в смысле тень) глядит на тень себя
снег – 20 темная пора
картавая как речь моя похмелье
война войне почти что очищенье

почти что ощущение поры
которая несётся вдоль горы
дым вырывает норы из норы
ковчег плывёт но мимо говори

как ни смотри вода воде война
он вынимает тело из огня
и смотрит удивительно двоих
не различая разделяя их

о деревянный стыд веретена
ковчег еще принадлежит корням
почти что ощущение вины
водой сочится из войны страны

как ни смотри – с кузнечьих их колен
но руки – чувствуешь? – проходят мимо стен
ощупывай у матери живот
и изнутри смотри на оборот

я говорю ты говоришь и многорук
последний сон внутри у всех подруг
которые почти (что?) поняли тебя
дым вырывает дыры и с огня

сдувает наших жен как пузыри
они плывут насквозь и вдоль
страны
(2009)

«Переплетаясь с тишиной, в шарах летящих слева, с Юга ...»

Переплетаясь с тишиной, в шарах летящих слева, с Юга —
ты говорила не со мной. Скрипел упруго
неисчезающий вагон – на всех собаках,
и дворник шёл, и подметал – на автозаках
катились в тишине, в земле сплошные знаки,
варились зеки в козырном козырном фарте.

Ты, милая, ЧЕГРЕС, ЧЕРМЕТ с голодным словом,
а там за мной приходят шесть, как за уловом
ты ехала по тишине – а я за смертью
под фонарём и на убой... и дворник в третью
закрытую, как дверь, стучал кайлом и пивом,
переплетаясь с тишиной
в шарах и фильмах.
(2009)

«а ты скажи скажи: еще не завтра...»

а ты скажи скажи: еще не завтра
еще посмотрит словно смерть таджик

и холодно вослед халявный бог из кадра
уходит чтобы свет проговорить

а рыба выплывает на ЧГРЭС
из ста китайских чмо один скинует

а из апостолов земле досталось шесть
и только свет не по себе взыскует

и смотрит вслед прощальный героин
ничейный сын стоит во тьме у слова

и комнату переходя за шесть
дощатых метра смерть его

условна
(2009)

* * *

«Тебя уже не слышно никому...»

Евгения Изварина

тебя уже позвали никому
сказать ему – так надо – на виду
на водку дал и умер и проспался
летели ангелы как листья в октябре
а оказавшись в этом и нигде
им не укрыться слухом листопада

но выше тот который в стороне
он путает следы на словаре
и топает по фене с рафинадом

тебя уже не надо никому
и сто солдат закопано на лунном
лобке хотелось говорить о чом-то умном
но весь июль не снится только смерть
на водку дать и выйти в октябре
туда – наружу – где на языке

другом не говорят уже
не надо

где делится молчанье лишь на всех
как хлеб и дети в топке
снегопада
(2009)

Качели

Дмитрию Машиарыгину

город которым живём съест все качели
чели или же веки но огрубели
а тяжелеет ли сын в животе год девятый
листающий мать наизусть родовые палаты
здесь опустели и перетертые ставни
держащие воздух как-будто он ровный – не равный
равный – ребристый —
но нам развлеченье дыханье
город в котором наш сын нерожденный заране
мне говорит и мной говорит на качели
качается дым а рукава опустели
ты распрявился – игла до бессмертья дошла
и разломилась на два дурака-топора
города два на подземный и мертвый язык
реки ползли по качели реки за них
ты изрекающий город ты маленький жид
влево и вправо качались качели и кто-то на них
мне говорил щебетал и смотрел нас в наклон
сын мой ходил по земле но не наш и другой
склоны паслись как коровы в подземной реке
лики ходили за тесто людей по земле
сумма созвучий утерянный голос невынутый сын
ты говоришь только голод я слышу Кыштым
ты говоришь он рожден я теряюсь за ним
в щебете в речи бессмысленной чтобы спасли
сын в животе (будто дочь) тяжелеет в Касли
путь ему крестный и крестный
болочий как нимб
маленький плотник стоит на расплёсканном в щепки плоту
сын говорит я здесь счастлив

(и улыбается
тут)
(2009)

«на иртышской набережной будь не будь...»

Дмитрию Дзюмину

на иртышской набережной будь не будь
всё казарина повторяешь всё о шмеле
что случается проговаривается в октябрю
ближе к девятнадцатому перелей

пароходик зыбкою на плаву —
улялюм топорщится улялюм
на иртышской набережной не люблю
а уходишь с поездом —
улялюм

а случись катарсис и будешь ты
на посту молчать повторять шмеля
вспоминать июль говорить иртыш
да и бог с тобой если
не земля

а железный ангел махнет крылом
удаляешь мир улялюм delete
на иртышской набережной шмель морской
ЧПОК ПЧЕЛИНЫЙ РОТ и
молчит
(2009)

Путеводитель: Профилакторий на Южной

по жд читай по краю
по обряду обрисовки
по пивной стабильно с краю
по земной стабильно слева
как дебил над идиотом
идиот над местной дома
и младшОй под колыбельной
как термометр или кто-то
по жд читай по раю
по району и химчистке
календарный всегда справа
для картофельной очистки
там у белой три бомжихи
три бомжары у предела
указующих у Южной
только в небо только в небо
по жд не переводят
на французский через реки
через кабель через руки
через дык-хуи-поруки
принимает принимает
этот ангел чёрный в дёготь
вынимает всем бомжарам
указующий вверх ноготь
достаёт бутылку ГОСТа
наливает забывает
и того кто с краю поля
на поруки забирает
яко по суху на нёбо
по жд читай по краю

только Боже спят над бомжем
только бомж их понимает
(2009)

Путеводитель: Светофор

там светофор в себе плывёт
скорбит и плачет белый птичий
холодный голос на постой
просись и может быть услышишь
там чутко ждёт меня свердловск
увитый Раями и адом
там наливают пиво врозь
под впавшим в детство снегопадом

там чутко это чутко спит
с берёзами и медведями
с дитём твоим как смерть сопит
до фонаря под фонарями
так чутко это чутко спит
плывёт среди своей печали
и если ты сюда отчалил
то кто-то про тебя забыл

там чутко ждёт меня вагон
среди вокзала километра
и чуть свинцовый бьёт поклон
торфяник в нефтяные недра
там светофор своих детей
на утро отпускает в небыль
и плачет только от того
что рядом с ними он бессмертен
(2009)

«прости Господи мне надо...»

прости Господи мне надо
перереживать прости

а молчанье рафинадно и
расти

птица на руке у бога
головная боль моя

тает

языка немного
у меня

«О выткни Боратынский мне глаза...»

Памяти Дмитрия Кондрашова

о выткни Боратынский мне глаза
оговори нас немощный Орфей
глаза как правда на такие гвозди
откажут у Аида тормоза
и Дмитрий отбывает
на пироге
на пироги в неклёвом Таганроге
ты просыпаешься на станции тюмень
а снег идёт сквозь тело сквозь снега
сквозь свет сквозь тень от света
и сквозь тень

представь Аиду – охренеешь – гости
всё не уходят грантс покойный спит
сквозь свет и падаль ношу до поминок
и далеки от тела берега
мир преломился или что-то
сбылось
о напои их боратынский о
говори оговори их но
стена из смерти сбережёт меня
о вытки боратынский
мне глаза

а по молочной перейдя земле
спускаешься инфарктом на столе
лапша б/п беспроигрышна смерть
любая как любая впрочем
речь
о вытки Боратынского ого
род отмечает только одного
дым и из дыма пироги
летят вослед
бездушны и прямы
(2009)

2010 год

«и так же смерть похожа на лицо...»

и так же смерть похожа на лицо
и медленные мокрые ладони
ощупывают мёртвых быт и ё
среди корней уже наверно осень
но кажется агония ещё
не учит говорить ещё всё та же
погладь непонимающе её
лицо похоже в угольях и саже
погладь её и руки и кольцо
от сердца остановлено в глубинах
погладь её древесное шмотьё
которое никто уже не сдвинет
там также смерть похожа на себя
как ты когда листву свою теряешь
и ест зима в полёте снигиря
и цвирк шмеля наружу вынимаешь
и ты несешь его как смерть свою
как зверя зверь спасаешь зайца в бездне
и я твою смерть как свою шепчу
погладишь против рук и всё исчезнешь
так прорастаешь дворников своих
которые стоят посередине
твоей уже свершенной и своей
и разве кто-то смерть как камень кинет?
и разве сны недолги и тонки?
и лёд нас учит нашей тёмной речи
которая короче чем вода
которая нас в ступе защебечет
похожая почти что на лицо
качается в предзимья сердцевине
как ты незавершённая любовь
страшась что кто-то к свету
её вынет
(2010)

«сведет с ума присутствие зимы...»

сведет с ума присутствие зимы
как время кости наши с фотоснимков
рентгеновских – и разве были мы
иначе как под капельницей – близко

уже сгорание всего всего всего
за минусом под ёлкой мандарина
попробуем представим вкус без вкуса
холодное немёртвое зверьё
(перечеркнул – поскольку не моё
переписал – поскольку нас не видно)

сведёт с ума наличие имён
необходимость называнья вещим
произношения с акцентом и нулём
перешиваешь шерстяные вещи

сведёт до насекомого меня
чтобы раскройщики увидели земля
ладони разжимает и клеветает
особенно как видно детвора
глотает нашу жизнь за нас – в бега
нас ударяет в небеса гремя

как перебежчик

скажу тебе нам не сойти с ума
пока лучи рентгеновские светят
насквозь отличия зимы и января
пережимают глотку говоря пускай
ещё немного много не заметят

и я сижу смотрю на этот луч
благодаря судью или присяжных
или подонка что велик-могуч
засунул в тело мне и с тем оставил
(2010)

«ВОТ ТЫ СТОИШЬ С ПРОЗРАЧНЫМ ЯЗЫКОМ...»

вот ты стоишь с прозрачным языком
жуёшь воздушный оробелый ком
застывший снег живёт перегибай
положат лист – с другой его читай

положат в гроб – перевернись за жизнь
земля в тебе и нет иных отчизн
положат в твердь как небо утичай
нас боль в живых запишет через край
(2010)

«Мы разучились говорить на русском языке ...»

Мы разучились говорить на русском языке —
Висит солёная вода на ледяном суку.
Затвержен скорый договор бухлом в твоей крови —
Переговорщик с языком, давай поговори.
Поговори за ночь со мной чучмек, поэт и брат.
По хромоте – я там одной, мой дружелюбный гад.
Из съёмной этой наготы – я на одной стою
И голожопым языком не с Богом говорю.
(2010)

«бука спит она устала стала женщиной и вот...»

бука спит она устала стала женщиной и вот
переходит мир на запад ожидаючи аборт
обжигает крылоплечи закрывает черепки
бука спит она устала и шаги её легки
и шагая без уклона из груди её сосёт

сын как тёмный татарчонок
воркутлаговский полёт

вдоль по свету неповинный
бубучонок смотрит свет
тёмно-синий тёмно-тёмный
через мамочкин скелет

бука спит она устала бубучонок наперёд
смотрит вниз а видит запад
ожидаючи аборт он шагает без уклона
среди первородных вод

татарчонок как бубука
обнимает весь живот
(2010)

«спине уже не больно на окно...»

спине уже не больно на окно
ложится смерть ласкать её детей
и хорошо быть среднему поэту
приподыматься к утреннему свету
так рядом с местной бабой третью
не ожидать и слушать как живой

с соседом говорит стучится пяткой
в живот у смерти в земли для детей
как хорошо быть средним человеком
уравненным со смертью живым смехом
своих уже рождённых дочерей

спине уже не больно на окно
прикладывается смерть – её щекочешь
и быть иным и говорить с плечом не хочешь
тем более что на плече их нет
тем менее что узнавать ответ
причины не найдется не находишь

и снигири клюют её животный свет
рельефный неизвестный
бог есть нет

и никого не
спросишь
(2010)

«зачем зачем о жизни три вОрна летят...»

зачем зачем о жизни три вОрна летят
и каждый третий держит в своей руке котят

зачем косноязычье незримо мне дано
о впалое как старость отчаянное дно

зерно в подскулье ноет у бледной из ворон
я склонен к паранойе в любой из всех сторон

зачем мне смерть однажды смеётся изнутри
нет музыки понятной для цифры номер три

и оспую укрыто у черной из ворон
крыло как феней синей написанное С. Л. О.Н.

зачем мне голос птичий безногий голос дан
до боли неприличный как чёрный Казахстан

и рыжий красный ворон забитый в кислород
мне тело лапой ищет и закрывает рот

зачем твоё бессмертье – четвёртый ворон бел
летит на тёмном свете наш чёртов Кыштым-бей

зачем зачем о жизни ворОны три летят
и в каждой третьей дети как умца-ца гудят
(2010)

Шмель

вот этот шмель узкоколейки в четыре дня
в пути соседей время дрючит идущих на
какая дура – перекрестит – как свояка
и бог молчит и небо меньше себя пока

пока я говорю изыди меня любовь
легко проходит через речи и горла кров
вот этот шмель и он податлив как дурь в июль
на километре выйдут эти и те войдут

блатная речь благословляет любую речь
ну ты приедешь и ответишь за нас перечь
перечь старуха своей смерти перечь за всех
на перегоне у Байкала смотри у дна

благословляет шмель идущих
с любовью на
(2010)

«НИСКОЛЬКО – ЭТО МНОГО А СЕЙЧАС...»

нисколько – это много а сейчас
окно откроешь и мороз сквозь руки
как капельницы длинная вина
как окружившие любовью своей суки

нисколько – это больно до того
договоримся что условно мы
принадлежим бумаге заодно
и как зерно проросшее прямы

нисколько – это я там над тобой
припомнивший что голос в долг был принят
заходишь в тело а внутри темно
и мокрый дождь болезнью сухо вымыт
(2010)

* * *

неужели я настоящий...

О. Мандельштам

и была у смертей улыбка
но недолго – на море зыбка

от локтя до локтя как Индра
ты приедешь и слышишь Тында

на хрена мне как двери тело
что я мог всё уже ты спела

скрипка купленная трёхрублёво
а пройдёшь и внутри херово

только дверь постучится в воздух
растворяется голос возле

неужели теперь я смертный
баба с возу – улыбка светит
(2010)

«О, ОЛОВЯННЫЙ ГОЛОС ТИШИНЫ...»

о, оловянный голос тишины
до оленины мясо на зубах
нас носит страх за третьих [не своих]
на мятной к пятнице неделе на губах
воловьих львиное лицо глядит в окно
и оставляет четверной [как в рюмке] свет
и машет стрекоза ему в окно четырёхкрытый
и просторный снегу
цвет

о, жертвоприношение моё
непринятое чашей – никого
ни ангела ни семени во тьму
ни крови ни ошметка не возьму

в субботу в пасху в мясо как своё
меня кладёт за дар себе зверьё
о, доброе зверьё меня меня
ты вынимаешь дымом из огня

и раздуваешь ноздри как метель
засовывая как записку в щель
написанное мною мудаком
и унося в своё гнездовье ком
из мяса и его нетишины
которые уже не
прощены
(2010)

«МНЕ НЕ С КЕМ ГОВОРИТЬ НИ ТУТ НИ ТАМ...»

мне не с кем говорить ни тут ни там
похоже дым похоже по губам
водили хером бритвою пером
судьбою рыбьей чешуёй лапшой
братан не бойся больше не проси
на двух не хватит зеков и рассий
на двух не хватит пепла и вины
вода течёт но обтекает дым

нам не с кем говорить с тобою брат
вводи по капле в вену препарат
ты препарлируешь и бога и лягух
как каин авеля как плоть безмолвный дух
братан не бойся дальше будет свет
ещё подальше тьма – двух сигарет
нам не хватает и хватаешь дух
как рыба воздух бога нет на двух

нам нечем говорить с тобою брат
весь русский низок инородный гад
мне не с кем говорить за нас с тобой
один стоит над нашей головой
с прошитым темячком и рваною губой
откроет рот и бьётся как плотва
со смертью накрест языком братва
а я стою и наблюдаю дым
и не кем мне вот здесь
заговорить
(2010)

«снег завершает мёртвую петлю...»

снег завершает мёртвую петлю
из всех возможностей что я не говорю
из всех воздушных рукавов и ям
снег завершает снег наверно пьян

он молится за этих и за тех
из всех холодных шурился абрек
он учится смешению времён
чтоб в небо уходил мой патиссон

снег завершает фразу обрыва
снег рвёт наружу как шахида два
теперь шахида с нескольких сторон
лежат и загорают с кадыком

который продышаться им не дал
снег возвращает всё что он в кармане смял
из всех возможностей я эту повторю
почти живую мёртвую петлю
(2010)

Кость

сберегая бескостных детей хлебный мякиш в руке
бродят волки в своём отраженьи в кыштымской реке
перебросишь сюда хлебный шарик проглотит нас волк
или тьма обшмонает своих а ничьих недотрог
поразительна речь и заразна как будто бы бог
застыдился и спрятался в горле как будто бы смог
защитить всех бескостных стоит эта кость поперёк
видишь мякиш в руке слышишь в горле застрявший глоток
(2010)

«Не вспоминай меня – на свет...»

Не вспоминай меня – на свет
наколот пластырь света. Урка,
пока ты остаёшься здесь —
летит, как стрекоза, маршрутка.

Не вспоминай меня – простить
из лагеря побег заветен
пока хранят, как сухари,
зверёныши нас, эти дети.

За всех, что были неспроста,
теперь начисленная плата
нас ждёт, считая тьму до ста
и пластыри до зоосада.

Ты, убивающий стрекоз
подземных тёмными шагами —
не ожидаешь, но пройдёшь
над взглядом нашим сапогами.

Не вспоминай меня за свет
засвечено – на пол-аршина
мой дом оторван от земли
и пластыря почти не видно.
(2010)

«во как снится эта [трасса]...»

во как снится эта [трасса]
бог стоит посередине
из асфальта и из [спаса
из] ещё нетвёрдых линий
транспортного коностаса
он почти что не [оформлен]
как цивирк как птичий клёкот
под крылом [до перелома]
кровь горит из поворота
говорит [договорится]
этой трассы середина
бог стоит [да бог с другими]
из укропа или тмина
он растёт [языкового]
и фиксирует на камне
не себя [того – другого]
потому что очень занят
он проходим [убываньем]
в смысле и в значенье скоро
грохот этому [настанет]
бог нас видит из азора
(2010)

«ПОД ДЕРЕВОМ СИДИТ НАД ГОЛОВОЙ...»

под деревом сидит над головой
то ГОЛОС ТВОЙ

то ГОЛОД ТВОЙ по слуху и другим
за ЭТО СПИМ

за то законник может даже финку в бок
и внемлет Бог

а ГОЛОС ТВОЙ слабее изнутри
и ВЫЙДЕТ три

три ГОЛОСА болячку ЭТОТ звук
протри испуг

под деревом сидит над головой
с САМИМ СОБОЙ

царапает смешные письма
как СМЕРТЬ страна
(2010)

«ВОТ ТАК И ГОВОРИТЬ ВОТ ТАК И ВОРОВАТЬ...»

вот так и говорить вот так и воровать
у бабы теплой смех а на изнанке свет
ребенок и кровать пора – кровит – вставить
недолго и смешно чтоб говорить за всех

чтоб тело обживать до горлышка в огне
до пятнышка в паху до звука об стекло
(патетика не верь) друзей или врагов
за всех лишь утром снег и не бывает всё

кыштым тебе рассвет пиздец какой китай
я выхожу на кухню и в форточку тянусь
за сигаретный дым прости и съешь меня
поскольку говорить я как всегда боюсь
(2010)

«наконец-то нельзя задразнить щебетать...»

наконец-то нельзя задразнить щебетать
перегнувшись из смерти
все равно нас никто не простит —
ну а если простит – не заметит

и вконец перекопанный ад —
назови его будучи живу —
перегнул эту смерть и сломал —
как малец конопатя машину

смерть смотрела в свои же глаза
повторяя бессмысленно жесты
я не помню кто это сказал
но наверное тоже не местный:

вот и я помолчу о себе
вот и я постою о других
а снаружи как видишь всё свет
а по свету небесны круги
(2010)

«О ЧЁМ О ТОМ СКРИПЯТ ЛАДОНИ...»

о чём о том скрипят ладони
пластмассовые темноты

все переправлено направо
нарывы рты

животное всё наизнанку
идёт гулять

и начинается по знаку
вся жизнь опять

о чём о том ты некрасива
и голубь мне

не говори молчи со мною
я сам во тьме
(2010)

2011 год

«ну вот и сорок дней (читаешь: лет)...»

ну вот и сорок дней (читаешь: лет)
оса влетает в сад и с богом мальчик
всё говорит (считаешь много бед,
прошедших мимо? – Отсчитай иначе)
в таком заливе – русским заливать
ты всё соврешь и перепишешь внове
и на плечо (чо сядет там? – оса?)
тату нарежешь – ощутив мир голым
ты всё соврешь – такой посмертный дар
что вечность существует лишь однажды
тыходишь в гроб челябинский как в лифт
и морщишься от этой смерти лажи
смерть – это лажа (повтори Орфей)
так падал камень и завис в четвёртой
полёта доле и своих корней
вошедший в сад конечно же не помнит
не помнит став осой в своём саду
он видит как его несут во рту
его же дети (если я солгу
то в этом ты молчанием поможешь)
ну вот и сорок – насекомым я
налью с малиной чай на стол поставлю
чтоб сын осу в руке отца держал
и говорил что я не помню даже
договорив свою смешную смерть
оса влетает в сад и боль запомнив
раздавлено лежит в руках детей
и понимает не бывает больно
(2011)

Голубятня

Андрею Санникову

насколь прекрасна голубятня
и требуха и эта поросль
несущая нас на руках
пока живот со смертью порознь

пока прекрасно смертны мы
ухватывай снаружи тела
как эта поросль нас во тьмы
несёт заложено и спело

так рас-спешит в округе жизнь
в кружок закрытых светом скважин

пока там жарят голубей

парных как молоко и свет
все дольше из замочных скважин

пока природа голубят
накормит миром до ответа
и губы вытерев взлетят
и в скважину пройдут с рассветом

оставив голубятню нам
где смерти их до самой крыши
чтобы несла нас на руках
пока живот как смертный дышит
(2011)

«ни мёртвый ни чужой ни-ни ни-ни...»

Алексею Миронову

ни мёртвый ни чужой ни-ни ни-ни
сбегающий за дозой колбасной
припоминай как привели огни
в аскезу в этот ящик безопасный

как в длинный снег продавленный трамваем
ни мёртвый ни чужой ни разговорный
приговорил идти на этот красный
из горла только выдохом скоромным

переходя здесь за неделю землю
пересыпая с каждой открытой
такое горе что Федоре страшно
такое счастье что по швам корыто

ни мёртвый а скорей сорокалетний
стоишь в своём [пока живой] Тагиле
и слышишь этот снег тупой отвёрткой
заверчивает смерть что мы забыли
(2011)

Мои похороны песенка

Наташе

о чем пропела песенку ты богу
очёртичо напишешь мне в подмогу
напишешь сдуру старосте письмо
в деревне всё как прежде в молоко
и свысока на нас взирают боги
остановившись в небе у дороги
стрекочущие два аэроплана
сканируют всю местность – этот сканер
остановить поможет чёртичо
но как легко ты пела как легко
шагала по букварному пологу
спуская слово как колени к богу
и обезножена летела а не шла
хранила коготками комара
сканируя за помощь этой почвы
о песенка о женщина моя
о торфяное чудо для огня
о песенка ты чёрти чо и как же
тебя когда никто уже не скажет
не пропоёт

ты будешь без меня
(2011)

Грач

Поехали в грачиный этот рай,
где белый свет и босиком трехпало
проходит глас насквозь тебя, насквозь
физический раствор – где, как упало —
так и лежит [что спрашивать в ответ?]
рассыпанный на тени, черный снег —
он кажется, крошится у запала...

Мне запахло, мне – в птичий этот лай
где повестись на каждого базары
и грач больной ведёт [как поводырь]
меня и голос, где мясная тара
меня ещё выносит – ехать, стыд —
весь этот долгий, в прицепном у стаи
где чёрный свет нас долюбил, распил,
разлил в свои граненые стаканы.

Поехали, гранёный мой стакан,
позвякивая ложкою утробной,
трёхпало трогая грачиный доязык
и, проживая физраствор по пробной
уже двадцатый раз кажись. Кажись!
Такая жесь, что, проживая голос,
его ты, как покойника, везёшь —
прилюдно, по срамному, в одиночку.

Поехали в грачиный этот рык,
В сад полосатый, в костяную почку,
Которую снежок проборонил
Чтобы остались пустота и голос.
(2011)

«на двадцать третье каждый неслуживший...»

на двадцать третье каждый неслуживший
служака выпивает две поллитры
и елкою последнею домой
стремится по уклону – боже ж мой
такая вот россия приключилась
с тобою брат твоя сестра побрилась
и с криками и скринами аллаха
гуляет тоже ровно россوماха
вот перекоп ворона я закопан
с солдатами в районе перекопа
в районе часа третьего шестого

на двадцать третье на углах убого
разложен снег как баба плечевая
на двадцать три рубля уже хромая
россия поминает нас негромко
трещит у наркомана слева ломка
и речевая просится наружу
страны своей которой я загружен
по горлышко и по февраль засветит
пылает ёлка соблюдай омерты
закон базар чтоб было всё по фене
три раза по поллитре я бессмертен
я соблюдаю правила до гроба
россия родина слонов читай уродов
читай меня (да хоть по двадцать третье)
я сам урод я здесь служу до смерти
(2011)

Мелхиседек

И вот, пока жена в отъезде теряет чёткие черты,
поговорим в зачёте смерти. Поговори и покори
ещё одну как десятину. Мельхисадек вошёл во ад,
приобретение утратив, как некогда порядок сад.
И вот пока нас этот гложет неагрессивный кислород
садись со мной до самой смерти. Смотри рот в рот.

И золотою паутиной по паузам ползёт паук
На древесине невидимый он ножкой отбивает – стук
Забитого гвоздя, где снежный лежит ещё её покров
Пока жена его в отъезде мы чутко сохраняем кровь.
Она то брызжет, то стекает у ангелов среди бровей
Мой собеседник что-то знает – и Бог за ней.

Четырехостное сердечко её смешно и бьется в такт
Пока нас вынимает иней из тёплого хитина трат.
Какое слабое несчастье смотреть с земли, как слон летит,
Ребёнок комнату ломает и темнота вокруг молчит.
Мельхисадек по аду бродит и ад напоминает сад
Отполированный до лака. И белый град

От нас скрывает его голос, как полость или басмачи
В Таджикистане – в полный голос – летят грачи
И гвоздь любви, забитый в небо, в повздошье спелых пауков,
Пока жена моя в отъезде разбитая на сто кусков,
Проводит опыты потери над нами свысока урод —
Мельхисадек ползёт до смерти, сопротивляясь ей рот в рот.
(2011)

«Телесный сад, где ест меня листва...»

Телесный сад, где ест меня листва,
зачитывает скромные права —
перелистав, как нищенка, слайд-ленту,
подкожный слайд: наверно, ты права:
что ждать в Челябине, прислонившись к ряду
подземного скрипящего крота?
Все тридцать восемь, что я был варягом,
испытывал густую карусель синичную
на прочность и отсель всегда бежал —
но оказался рядом

телесный сад, в который я вхожу
который раз вдыхая туберозу,
три отраженья на себе ношу
и строю этим отраженьям розу.
Телесный сад, где мудями звенят
такие же безкожные подростки,
иглой смерти тычут сквозь меня
в каком-нибудь смертельном,
как Свердловске,

и покидают норы и поют
телесный сад во имя нашей смерти —
им смерть шмели на блюде подают
как голову мою в пустом конверте.
Нательный сад, ты испытал меня —
так отпусти с огнём в живот свой тёмный
во имя мира, рожки и угля, настольной лампы
плоти непристойной.
(2011)

Чпок

...чтобы покоились с миром палочки Коха
Светлана Чернышова

о господи мы выпав из тебя
летим как мошка из глубин сибирских
с урановой рудой в одной руке
с уродом восковым на колпаке
с трудом большим припоминая близких

мы край тебе свинцовая вода
вина виной но мне не удержаться
и главная задача у з/к
отсюда прыгнув
до тебя добраться

о господи храни свою руду
шугая вертухая и собаку
ураново здесь нам по глубине
твоей и прочее почти уже
не жалко

о господи в крапленном колпаке
хитином тельника зажаты в кулаке
урана Мельпомены пилорамы
о господи прощай как я прошу
законника что приведёт к врачу

но больше вероятие
что в яму
(2011)

Эфедрин

о бармаглотище немого языка
подохшая как яблоня ослица
не вывезти ей по отстрел меня
и отчего как эфедрин мне снится
солёная под пятницу москва
похожая на воробья из детства
и лобзик вжик и вжик насквозь маня
а кажется что в кадре этом

местность

как бармаглотище ты мой немой язык
слепое яблоко – большее мандарина
и как мне до тебя суметь дожить
поскольку жизнь всё ж оказалась длинной
поскольку наблюдая местность нас
пасёт и эфедрина не хватает
и на глоток чужого языка
которого никто ещё не

знает
(2011)

«Не страшась приключиться вторично...»

Не страшась приключиться вторично,
мы покажемся в этом лесу
хромосомном, от нас не отличном —
с чёрной дырочкой в каждом глазу.

Кто щебечет про нас, кроме этих —
неудобных на двух языках?
Чьи пернатые руки в умерших
ищут слово для нас, кукушат?

С лошадиного света наскоком
кто бежит здесь по нам босиком,
раздавая, как милость, по крохам
вслед за ним прилетающий дом?

Из-под клюва сирени мальками —
он идёт и четыре гвоздя
то ли крыльями, то ли руками
открывают у страха глаза.
(2011)

Жажда

Как будто расступается вода —
напоминая нам о тёмной жажде,
надёжнейши упрятанной сюда,
в её нутро, которое бумажно

распахано и вычерпнуто в дым,
чтоб некий мальчик подымал завесу,
держа в руке надёжный свой сим-сим —
Да что вода? – он отступает к лесу,

как будто отступается река —
Бог отодвинет небо перед нами,
и будет наблюдать издалека,
как бабочка играет с синяками

в сомнение о том, что он сюда
склоняется, на корточки садится,
живёт как мы, что жажда так сильна,
что водопой приходит [с] рук напиться.
(2011)

Идиот

вот брошен я в свою страну
наброшены собаки – стай
спастись удастся никому
в солёной горсти в горекрай
вот сброшенный смотрю на свет
куда которым я лечу
и чунями по мне вослед
идёт которому врачу
он синеглазый идиот
идёт и видит полный враг
собачий тает лай в ответ
и заполняет свет овраг
за эту дряхлую страну
ответь мой местный идиот
искусственно дыханье здесь
и снег летит поручно в рот
закладывай мои слова
сердечным средством под язык
я здесь по левому неправ
страна фартовая Кирдык
полуслепой февральских смех
переходящий по рукам
подмышкам пёстам я привык
к молениям – я по словам
замыслил от тебя побег
мой чёрно-светлый идиот =
свинцовый воздух изнутри
дыхания меня сотрёт
и будет утро день второй
или четверг повздошный час
собака дышит в вену мне
припоминая детский страх
собака дышит за щенят
вот спрошен я в свою страну
и чунями скрипит их взгляд
и идиота не помнут
щенята слизывают кровь
свою с чужих по край ногтей
и снег летит на ЖБИ
со всех ночных как март аптек
и замерзает мой язык
и пожирает идиот
мой парашют и чёрный клык
он ложит снегом в нежный рот
(2011)

2012 год

Свердловская элегия

Даниле Давыдову

Ты помнишь/не помнишь помятый
давыдовский прочный сюртук,
коньяк без лимона под горло —
как шарф шерстяной или стук.
всё ссут здесь поганые суки
по улице Сони Кривой,
и делает боженька снимки,
а может быть кто-то другой.

Ты помнишь давыдовский точный
гlossарий – пойдём за водой,
где к потерялась за выдох,
и топчет сугробы ногой
[у К появляются губы
и рыло с химмаша братка,
ещё червоточные зубы,
и даже желанье глотка].

Ты помнишь/припомнишь, как смерти
стихами закроенный пол
в коньяк заливался Сысертью,
и пился за каждым углом,
как ссали под окнами суки
сливая челябу в ебург,
и глобус крутил эти звуки,
как будто бы ехал в Москву.

Ты помнишь, что вспомнится дата,
когда разломали ребро
[в закуске закрытые рядом]
две суки и стало светло
под скрипом солёного снега,
закрытого в каждом узле —
лимон, в коньяке закипал и
агукал Кальпидию в Че.

Ты помнишь, как небо, чирикнув
в две спички, зажглось и спаслось,
как двум, пережившим верлибры,
по бабам мужицким спалось,

Свердловск начинался сюртучный,
все суки махали вослед
лимонного цвета платками,
линяя в коньячный ответ.
(15/12/12)

«Он перелистывал морщины...»

Он перелистывал морщины
на 5/7 [пока] знакомой
халявной женщины [мужчины
их обступали беспокойно]...

Облизывая тощий палец,
грач на плече пережимался,
пережимали перья горло,
и календарный свет кончался,

качались дети и деревья
[и в них беззубые старухи
качались в чаще равномерней
и переламывали звуки

и перемалывали дёсны
или кораблики из ивы]
и перемаливали время,
и отползали некрасивы

пернатые [почти] мужчины,
зализывая тощий палец
у скрипки под крылом грачиным.
Царапнутый [в кровь] одеяльцем,

он перелистывал морщины
на 6/7 [ещё] знакомой
и дальней женщины [мужчины
жгли спички с краю перегона

и разгрызали тару молча,
у чаши днище выгрызая],
и [в свет укатанное] тело
горело изнутри сарая

[молчали дети и деревья]
одни морщины подавали
ненужный вовсе этот голос
из веток в ветки. На вокзале

он перелистывал морщины
[на 7/7 и незнакомой,
и уходящей вдаль] причины
посмертной близости бездомной

вот с этой проводницей, с этой
[с другого рая подожженной?]
везущей с краешку у скрипки,
покусанной тоской недолгой.
(14/12/12)

«Хрипящий волку под кустом...»

Хрипящий волку под кустом,
уснувший в воздухе [в ракушку]
грач, отсвиставший ярытам,
хранит, как снедь, свою избушку.

[Поющий] как бы в небо [сам]
он утрамбовывал отчаянье
[до галечки на берегу]
речь стоит своего молчанья.

И, поворачивая ключ
в костлявом горле древесины,
идёт по-своему к врачу
[как отражение из льдины]

заснувший в воздухе грачом.
Чтоб одолелось расстоянье —
ещё один метельный жнец,
обеспокойный оченькрайне,

он держит под крылом билет,
с ответом стырив водку с перцем,
клюёт и пробивает дым,
своё спелёнутое тельце,

он засвиставший ярытам
горит почти как стыд — так долго,
что умирает [как бы сам]
грач, просыпающийся волком.
(12/12)

«Пока я умолкал, летела стружка...»

Пока я умолкал, летела стружка,
летели в стружке мужики, передавала
по-бабски слухи, треснутая кружка,
касясь ртом отверстого овала.

В своих кульбитах сны пережигая
до копоты и дёгтя, в серых мордах,
как жжёный сахар смерть пережидая,
горела скрипка, становясь нетвёрдой.

Пока я умолкал с недетской оспой
крапленой речью щебет начинала
мужицкая невыспанная свора,
сидящая грачиной у вокзала.

Как цирковая публика и гогот
бакланов, уходящий в три пятнадцать —
вагон, гудел, переходя в семь сорок
и с дождевой водою обжимался.

Пока я умолкал, слепая кружка,
наполненная светом вполовину,
как [с венами проколотыми] чушка
успела выпить ангелов до льдины.

В толпы граненом животе, походный
обоз летал, как стрекоза над жиром
земным, и плыл – как смерть и свет – безродным
над тем и этим половинным миром.
(10/11/12)

«Вот, и придурошная скрипка...»

Вот, и придурошная скрипка,
в своём гранённом животе
вспенившись, булькает и гибко
плывёт по жестяной воде.

За ней из тьмы, крысиным хором
и брассом, брешут мертвяки,
бредут [незрячие по пояс]
по горлу каменной реки,

как Ленин с лампочкою ватной,
зажатой в восковой руке —
с блатной походкой и [булатной
почти-что] финкой в рюкзаке.

Идут и бабы, и мужчины,
с дитями, вшитыми им в грудь,
с сосками рыжими земными,
что отдышаться не дают.

Своею собственной кончиной,
где растворяется воде,
ребёнком радуется скрипка
с дарёным лаком в рукаве,

с дарёной стаей за спиною,
похожей на густой плавник,
с тобой, читатель, и со мною,
младенцем [в бабе среди их],

в поход великий и богатый,
плывущих между берегов,
трещит придурошная скрипка,
по шагу сбрасывая кровь.
(9/12/12)

«Я сочинил (поскольку я подонок)...»

Я сочинил (поскольку я подонок)
вот эту речь подводную о скрипе
токующих, похожих на подлодку
и на массовку в густолистном клипе,
я сочинил, что видел, как созвездья
в руке у шулера меж лошадей летают,
что видел, как без имени предметы
у бабы меж сосков горящих тают,
что мертвяки, бредущие по стуже,
кидают медяки живым наружу,
что мелочь растворяется, как скрипка
и смотрит бог и видит: обнаружен.
Я сочинил начало для похода:
среди иссушенной вагины Москвабада
придурошная скрипка, как свобода,
не вспомнит, что в начале наиграла.
Я всё солгал, поскольку здесь, в палате,
конечно, осень брешет, как щеночек,
забитый в ящик глухоты гвоздями,
и входит медсестра, поскольку хочет.
И сплюнув речи здесь на перегоне,
я с проводницею усатою остался,
стоял у нездоровых в изголовье,
поддерживал свинцовый (и ругался),
и грязный воздух, мокрою рукою
ей залезал под юбку, и ребячий
оттуда голос доставал, а скрипка
плыла в земле, чтобы переиначить
поход великий до подземной печи,
дымящейся у женщины в животной
снedurочке клубящейся, парящей,
и ни к чему пока что непригодной.
Поскольку я подонок – умолкая
я вижу, что походы собирают
народа тьмы из тьмы и тьмы и в тьмы
из скрипки вылетая, выживая.
(9/12/12)

«Сквозь потный снег, сквозь ожиданье, сдирая корочку бобо...»

Сквозь потный снег, сквозь ожиданье, сдирая корочку бобо,
идут двенадцать [непохожих на время наше] поясов,
как часовые и якуты, насторожились, вой взвели —
гори, гори, не угасая на темноте бумаги, шрифт!

Сквозь плотный снег [в воде солёной] дрожит, как голый,
самогон —
идёшь по Репина и плотность теряешь, прикусив озон,
и видишь: с острова на встречу идут двенадцать часовых,
по краю движущейся речи, как пёс вцепившейся в кадык.

Они идут по твёрдым водам несовершенной немоты,
идут на свет, скрипят, как свечи, их [в шарф заверченные] рты,
и Бог [разобранный в стаканы], в пластмассе льдистой шевелясь,
горит, в часах не разбираясь, и дышит в трещины, как язь.
(7/12/12)

Тварь из поселка Роза

И всякой твари выпадает дважды свет
в проваленном до ада, будто Роза,
поселке – за Челябинском в кювет
свалился ангел-бомжарёк. Вот поза,

вот понимание, вот с Розенталя вид,
чтоб всякой твари с небом всё возможно —
договорился и теперь лежит
среди травы и ждёт, как передоза,

что полетит насквозь его, на свет,
вся местная братва из насекомых
в провал и яму, под которой нет
последней твари и её знакомых.

Вот он лежит и чувствует – лицо
его облапал чёрный энтомолог —
читай: шахтёр (считай с твоим творцом
теперь их трое). Дело к эпилогу

здесь не пришить – так дёшево крыло,
что он лежит – во рту дрожит травинка,
а по травинке богомол ползёт
до самой Розы – и совсем не зыко

он приползёт на станцию свою
лет девятнадцать для того растратив
пока же ангел-бомжарёк лежит
здесь где-то слева и не пидорасит

он перед богом, он, открывши рот,
жуёт язык свой синий глуховатый —
и понимает: людный горизонт его ловил,
но более не схватит,

не схавает, не выпьет, преломив
на два зрачка поломанное время —
идохнет тварь и обретает вид
в кювете – мяса, в воздухе – прозренья.
(1/10/12)

В городе К.

солгут ли бабочки? Вспотев, ползет в уши
и в ноздри осень. Баки искривив,
завёдшегося пса осиной глушат
всекомпрадорский сад и мужики.

и в К. не надо октября и Бога
и слово «бля», как молоко, звучит
от псиного предела и порога,
где мелочь бубенцом в штанах звенит.

солгут ли бабочки, что скоро будут божьи
[читай негожи эти] времена?
а осень сбудется – по уложению всё же,
от брови к веку положив меня,

скрипят качели здесь в двуногом саде.
Как скважины хрипя в густой земле,
разборный пёс гуляет по свободе
[всё чаще в заблудившейся воде] —

и в К. на камне, у колонки справа,
сидят вдвоём и сад, и мужики —
взасос целуют бабочек, портвейны,
осиные, как выдох, пузырьки.
(16/09/12)

Астма

Колючего дыханья ёж
[в землянке, свёрнутой в лицо
смотрящейся в себя воды,
как астма – свёрнутой в кольцо]

как выдох, съёжившись в ключе,
скрипит в уключине как пар,
чтоб звездочка, сгорев в плече
не принимала, что мир мал,

что есть блажной Катеринбург —
и чёрту оспа, что Исеть
прожжёт словарный перелом
[шамань, Кыштымец, всё есть смерть.

и лыбится по кромке нож,
дрожащий на хромом столе —
как ночью мир не перейдёшь —
всё ж мир проклюнется правой],

как речь, наклюкавшись с утра,
почти послушною рукой
сдирает хладный пот со лба,
чтоб спал подольше он с другой,

чтоб с невозможностью дышать —
как кислород всосав свинец —
не до конца, но умирал,
как всякий призванный гонец.

Исколотый дыханьем ёж
в воронку смотрится воды
с той стороны, у капли рта
почти, как вдох, сухой орды.
(15/09/12)

Версия-DOS

Наколошматив к сорока
невероятное «я умер»,
чтоб с окончанья языка,
как насекомое и doomer

звнящий, бог летел на свет
на колесе всеобозренья,
на колесе среди синиц —
вообразив воображенье,

где – неухоженный в нас мир —
выходит насмерть на дыханье,
выходит, потому что нет
ему весомей наказанья,

чем называть любой предмет
и наделять кошмаром вещи.
Ужасно имя тех детей,
в которых колесо щебечет,

которым слово положил
крылатый подлюю рукою,
как рыбий жир или стрекоз
в нутро гончарное – с такою

начинкой по земле пустил
меж жерновов немых и страшных —
и я им был одним из них —
расколошмаченных, коллажных —

из тех, кто ждал, что к сорока
невероятное «я умер»
сорвётся. Нет, не с языка,
с отсутствия его – на губы

того, кого мы говорить
учили – потому что молча
привык он здешних обходить —
как прокажённый и чуть дольше

он наклоняется к земле
и колыбели этой гулкой,
чем длится кадр, в котором смерть
нам кажется почти что шуткой,

в которой кажется нам смерть,
которой не бывает вовсе,
луна печёт, как блин, рассвет
[как бы винду увидев в ДОСе].

И расширяет стрекоза
свой сегментарный взгляд в три ада
бинарных, и пока звезда
горит, как мельница – в Анадырь

пора бы съехать, чтобы там —
не умирая с проводницей —

к своей же жизни привыкать,
носить её в холодном ситце,

как сИрот переносит бог
в нагрудном закладном кармане —
через дорогу, через борт.
Через конец своей программы

пора убраться в Анадырь,
где женственный Харон на время
[свернув, как шею, миру мир]
переформатирует бремя.
(26/08/12)

ЭНТОМОЛОГИЯ

Д.М.

Расчёсывая губы до крови,
пустив царапины [как бабочек по свету
латать тот свет слюной] здесь – оборви
и Сь слетит и крови узкой нету.

Да, эта бабочка сегодня хороша —
лежит под золотистой молчанья
[почти нирваной] коркой у соска,
у тёмного чукотского камланья.

Расчёсывая губы, как обман, как кокон
страха распылив отчизну, могилы
[улыбаясь мило нам] кивают жизнью
из своей чернильной

[расчёсанной сверчками до земли]
светящейся воды – пока открытой,
как молоко у матери в груди
кровоточит из ДНК на тритий.

Расчёсывая слюни по слогам
(здесь было что сказать – хотя и мало,
что вероятно, Бог – не быстр, а я —
хотя бы смертен [с самого начала].

Расчесывая воздух до себя,
дощатый бог лежит, опилом дышит
сосновым – воли нет не у меня, а у него
[что ж, не расслышит,

он это, перейдя на ультразвук и сленг] —
латает бабочка его тугие уши
и переходит из хитина в снег
[и здесь перестаёт он вовсе слушать].

У бабочки с судьбой глубинных рыб,
прижатой белой атмосферой к року:
в нутре кровоточивом бог дрожит,
пытает медленно, чтоб выбрала дорогу.
(24/07/12)

Беременность

Идёт подряд на свет вода
[безногая] другим путём,
не протерев свои глаза
[что несущественно] – что днём

себя ощупывает, как
наутро женщина края
свои исследует, рукой
течение судьбы двоя,

когда сияющий плавник,
толкается в мамашин сон,
где бьёт [вольфрамовый родник
почти что током] в мягкий схрон.

Где сдуру в дуру бог идёт,
он собирается семью
собрать из запчастей воды
между пятью и восемью,

с утра ползёт к воде на дух
двоичный, будто бы Лилит
и Ева [мало ли там кто] —
его в себе проговорит

под роговицей у пупка
он вяжет свитер для неё —
ещё без тени и лобка
[который – знаешь ли? – враньё],

и видит мир, как тот бомжарь,
что светом согнут или свит
сегодня [и в последний раз],
а послезавтра догорит.

И сын – на выгнутой вовнутрь
[пока срифмован в малафью]
исследует источник, а —
быть может даже мать свою.

Она с утра ещё гола,
и ощущает, как её
отметил угол [то есть мрак
за муравьями в дочь ушёл],

Пока вода – ещё вода,
а не вина за чей-то стыд,
четырелицый свысока
в живот клюётся и молчит.

Бездоказательно её
существование в этом Че —
пока нутро не выжжет сын
как свет на жестяной воде,

на жестяной воде её
где он и мать в постели спят
[на свет, конечно, без пупков]
и входят в душ, как в чей-то ад.
(22/07/12)

* * *

Сергею Ивкину

*...глухонемая Кондакова Ира
Она живёт на Мальшева/Мира,
а я живу на Мира 38,
второй этаж, квартира 28.
(Андрей Санников, Глухонемая техничка I)*

Пока сдаёшься ты, «пока-пока»
произноси в одежде праотцовой,
пропитанной бензином и водой,
что тоже нефть в ошкуренном Свердловске.
Пока сдаёшься ты, находишь их,
своих двоих и будущих, младенцев,
хватает Интернетом их язык
но вряд ли понимаешь – как чеченцев.
Пока сдаёшь наверх алаверды
свои водой замотанные ноги —
ни много и ни мало – все порты
забиты битами излишними. Уроки
иди учи, пока длинней пока,
чем голос электрички удалённой,
вдыхай жлобье вокруг, и темнота
их скроет в этой массе оживленной,
где каждый как Георгий Иванов
ждёт растворенья в мудаках и стервах.
Вот ты идёшь, вот ты идёшь втроём,
но богу это всё не интересно

пока сдаёшься ты, когда пока
изнашиваешь в тёплую одежду,
и ангел нам дыхание в бока
вещает с Мира номер под надежду
[читай – целует в губы гопоту].
На то дана нам речь, чтоб мы сдавались,
чтоб пили нефть и спирт, за в пустоту
забитый гвоздь своей любви держались —
пока стоит твой [гладкий, как Е-бург]
цыганский праотец, что неизвестен в общем,
совсем неузнаваем в черноте
сочашейся из дерновой и общей
гостиницы – казённой, костяной,
плывущей вдоль Исети мутной. Проще
казалось бы молчать – за божешмой
получишь номерной Челябинск в почки,
получишь мудаков или стервоз,
получишь замороженные ноги —
Мересьев-Жора-нафиг-Иванов
от роз своих перебирает логин,

пароли набирает на виске,
накручивает мясо нам на кости —
зачем он, как отец, стоит везде?
за что у нас прощения он просит?
Забитый как оболтус в пустоту,
он говорит в ошкуренном Свердловске
про ангелов, вмещённых в гопоту,
про Мира (два? – не вспомню – сорок восемь?)
якшается со всякой татарвой,
оторвою и головой на блюде —
пока сдаёмся мы внаём, пока
целует гопота [живых] нас в губы —
твой пращур ненавидимый, в тебе
в квадрате умножаясь, входит в штопор
и мясо ангелов висит на потолке,
стихи читает, ничего не просит.
(07/12)

Летящий пёс стихотворение для старшей дочери

Проговориться с этим [на огне
сидящим] псом – замороженным, ленивым,
скрипящим словом: а) *откроешь дверь*
б) *утром просыпаешься не с дивой,*
не с девой в) *лопочешь на своей*
пифагорейской олбани в оправе
ц) *слушаешь, как сторож долбит в смерть*
стеклянную железкой д) *он вправе*
сегодня прожить её со мной —
е) *сомневаться в ней, как в речи.* Слушай
всегдашний [захромавший в цифре] год.
Проговорился всё ж, урод? – задушит
тебя/меня язык родной страны —
порхай среди цветов, обозначений, званий,
летающий пёс – глазами со стороны,
как стороны текут из тёмных зданий,

как немота уходит через руки,
как суки, здесь выстраивая ад
логарифмический [как хромосомы жуткий]
царапают глаза, сто лет наград
не требуя, как зацветут жасмины
[в соцветии у каждого спит пёс —
две головы которого в режиме
портвейного Харона]. Как вопрос —
так в нас щенок со стороны Аида
заглядывает, и его слюну
со лба стираешь ластиком дебильным.
Обняв его огромную страну,

проговоривши мёртвым языком —
я тридцать два часа сидел в конверте
[в последней номерной Караганде]
и наблюдал, как пёс рисует петли,
царапает над огородом смерть,
что проросла за стрёмное наречье,
как дочь моя шестнадцать лет назад,
чтоб всё простить однажды, изувечив.
Чтоб всё понять, однажды не простив,
резиновые реки поднебесной
плывут сквозь пса, раскрыв больные рты
от этой ереси (не потому что честной —
а потому что спит ещё Харон
и потому что стук пифагорейский

несёт на ржавой палочке Орфей
и учит пса портвейном здесь) [в Копейске]

стучаться в тьму то лапой, то крылами
на сто семнадцать метров в высоту,
и всё испить холодными глазами
и выблевать однажды в пустоту,
и выблевать свой шерстяной, как кокон
открывшийся, как неродную речь,
пифагорейский, сказанный, смолчавший
и полететь от дочери за дверь.
За Пушкина [уральского кретина],
за всё молчание меж дочерью и мной
простив меня, скрипит в щенке дрезина
и гонит под урановой дугой.
(19/07/12)

«Вот ведь какие дела: чем длиннее душа ...»

Вот ведь какие дела: чем длиннее душа —
тем укороченней голос – на грани монеты
свет заигрался – на смерть загалделся, глуша,
нас пескарей прижимая ко дну, не взимая анкеты.

Время, собрав эти речи, уйти из воды
следом за лесой, сечением света из суши.
Из глухоты в нас врожденной – как божий глядит
смертный посланник – он эту травинку обрушит.

На берегах одинокий со снастью стоит —
смотрит, как свет говорит и по небу проходит
в этой росинке – и теплой полынью испит
в каждом прозрачном и самом прекрасном уроде.

Шевелит губой, как кобыла домой приходя,
тычется в руки хозяйские с рыбной заначкою кислой,
смотрит сквозь воздух и видит, как смерть (не моя-не моя),
между рукою и Богом затихнув, на время подвисла.
(27/06/12)

Амброз Бирс

ау тебе закончено уа
постящийся тебе моё ура
моё тебе не слово грифель в глаз
какой ещё китаи плыл водолаз
плыл по стране за н. тагил приплыл
где выбился из имоверных сил
постичь вотще значенье языка
он онемел и с тем ушёл в бега
он знал что в этом
где-то есть москва
и новгород иные берега
он огибал поскольку Амброз Бирс
возможен где-то здесь и слышен свист
и волга говорила с ним из плеч

уа уа возможно не сберечь
но помню я что водолаз немой
как всякий наш язык
всегда изгой
(13/05/12)

Сирень

мы не созреем никогда
нам это климакс не позволит
уволь меня отсель рука
пошли как на хер в полный голос

постой со мною на «Урале»
где спирт казахи продают
и продавщица в полом теле
ждёт наполнения – наебут

нас смерть и жизнь
в тени сирени с пятном
чернильным в рукаве
стоящий туз и сивый мерин

на Каолиновом везде
как мы женатые на бляди
воруют небо голубки
и борзо бога ожидают
чтобы кормить его с руки

и продавщица поднимаясь
под синеглазый потолок
мне галстук дарит
чтоб пластмассой

дыханье затолкать мне в рот
поговорить по человечьи
по сучьи чтоб поговорить
когда порхатый чирик-птенчик

устанет призраков вводить
и мы женатые на бляди
здесь ляжем как бородино
и продавщица из «Урала»

забьёт крестом наверх окно
(12/05/12)

Гражданская война

волнующий момент
на кокаин садится эта медная воровка
моя страна нуждается в любви
и потому бьет в точности до срока

горит моя любимая страна
перегорает смерть – до крайней плоти
волнуется ОМОН – и слой дерна
заламывает крылья в огороде

упавшей под лопату стрекозе
наполучавшей с нас по полной дозе
и бунт повешенный как бантик на морозе
перегибает жестяные гвозди

волнующий момент пал героин
щекам щекотно и смешно как знаешь
страна с тобой и за страной один
акын и ты в его трепло вступаешь

ну что ж помолимся сжигая на костре
жиганов фраеров и в этом жулишь
блудящий с проводницей налегке
пока богов её по грудь целуешь

когда она волнуется за бунт
впервые залетая в шмаровозку
как родина что зная здесь убьют
всё улыбается ментам и отморозкам
(11/05/12)

«нам здесь не понимание грозит...»

нам здесь не понимание грозит
в чекушке битой с богом отразившись
рябой олег уходит с натали
в начавшиеся тень и ночь разбившись

– и до не сочетанья твёрдых дат
в которых дятел пойманный забьётся
крылом стеклянным воздух разровнять
и выдохнуть – а вдруг ещё проснётся?

а вдруг ему не надо понимать =
коснёшься сна – и это дно проснётся:

там за окном: бутылка пьёт меня
и с богом отправляется в дорогу
и тень её уже – нет – не меня

а выдох косит
о царапав воздух
(10/05/12)

«И так, легко переплывая свет...»

И так, легко переплывая свет
на свет – похоже, впавший в эти камни
пернатые, он переплыл Тибет
или к соседу путь – за все три ставни

он вплыл в его округу, и легко
стоял во тьмах как стол – на подоконник
приоперевшись, и держал весь свет,
что уместился в мёртвые ладони.

И так спокойно свет договорил,
что всем, кто в свете, был уже неслышен —
его пернатый [каменный] язык,
наутро обнаруженный, что вышел.
(05/12)

Серафим

Алексею Миронову

На гул по небесам сам плачет и молчит —
Безгубый, как весна, весёлый точно тиф,
весёлый будто твердь на первый день, второй
он говорит снегам: поговори со мной —

заходит в магазин и мнёт в кармане зин —
закрой скорее дверь, упоминанья, свист —
пусть платит соловей за воздуха мороз
и падает на тень, с которой жил поврозь.

Что плачется тебе? голубоокий гул —
как в горлышке стоит примятый, что испуг,
сверчок с хромой ногой и ликами пятью —
он съест твою же смерть, как некогда кутью.

Он сядет на трамвай – поехать чтоб на ВИЗ,
в горбатый Уфалей, чтобы спускаться вниз —
отверзнет два крыла, чтобы увидеть нас
и рассказать, что смерть мерещится всегда,

а будет только свет, дощатая вода —
и разорвав лицо дрожит на свет душа —
голодная до птиц, сминая разговор —
все ша и ша берёт [за голос] и —

ведёт.
(24/03/12)

Харьковский сон метлы

из харькова летящая метла
мне квакала спокойна и светла
как сон татьяны перед свадьбой – дым
ложился рядом с ней
я плакал с ним

я штопал кожух на дыханье гнул
метлу парящую из харькова – как нуль
как сон онегина и пальца у виска
скакала восковая
тьмы игла

и зашивал нас в маленький мешок
иностраный гипсовый ожог
читай божок без имени, метла,
всегда язык —
(ну, ты, всё поняла?)

из харькова как мифа светит свет
метла летящая в предсмертия просвет
вздыхает водку положив на грудь
пытается со мною вдоль
уснуть
(22/02/12)

«фельдфебель не вылезит из штанов...»

фельдфебель не вылезит из штанов
он породнился с этой Евой Рыб
бормочет под инъекцией: г-гы
и снова спит не поднимая снов
какая же офелия его – он водит
под штанами никого – здесь никого
фельдфебель ест горит наверное
так понимает стыд и правоту
едящих от его а смотрит в зеркало и видит
никого

печальны сны печальна как кутья —
его невеста – кутает меня
его фонарь – апрель и братец дуче
по горлышко увязший в воздухе своей
демократичной будто рим подружки
с которой вниз висит навеселе
ему махает ручкой тощей зиги
с той стороны зеркальных голубей
и смотрит в никого и зубы пилит
офелия ему как скарабей

фельдфебель обнимает здесь коленки
встает в своём гнезде у самой стенки
чирикает и тычет пальцем в рот
что говорит никто не разберёт
а в рукавах тех пусто и темно
и ева рыб ныряет с ним на дно
сверчков что обнимают темноту
зеркальную как русский весь
не ту

тут наклоняется к фельдфебелю огонь
фельдфебель говорит ему: уволь
и увези в Магнитогорск в Читу
в какой-нибудь кыштым за темноту
инъекцию горагия мне дай
садится голубь на плечо сказать: полай
офелия подходит со спины
надкусывает тело из вины
закидывает Ева на плечо
уходит криво в зеркало

светло

(11/02/12)

«Какой-нибудь мудака сквозной...»

Какой-нибудь мудака сквозной
рисует мёртвое «бе-бе»,
и белый свет как столб стоит,
Рязань играет на трубе.

Ефрейтор тянет разговор,
чтобы не знать кромешный стыд,
и это всё не от того, что
надо что-то говорить —

он просто так ко мне привык,
что видит в зеркале меня —
перегорает жалость. С плеч
глазет поперёк огня

всё тот же мой мудака родной
прибереги меня в себе,
как несуразный свой язык
перебирающий «бе-бе».

И отрыдает в нас Рязань,
и оторвёт билетик нам
кондуктор с дыркой в руке,
несущий нас к своим корням —

перебирающий здесь звук
бессвязный – как и должно быть —
язык мудрой и бог родной
что приучил так говорить.
(23/01/12)

«Что ж разве мы могли не быть такими...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.